

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ

**Материалы XI Всероссийской
научно-практической конференции**

Красноярск, 30 ноября 2023 г.

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ

Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции

Красноярск, 30 ноября 2023 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2023

ББК 87.7
Э 901

Редакционная коллегия:

Е.Н. Викторук (отв. ред.)

В.В. Минеев

Н.И. Лобанова

Э 901 **Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии:** материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 30 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. / отв. ред. Е.Н. Викторук; ред. кол. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2023. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-667-9

Вниманию читателя предлагаются материалы, подготовленные участниками конференции из Москвы, Новосибирска, Красноярска и других городов страны и посвященные актуальным этическим проблемам современности. Наряду с традиционными разделами, в которых рассматриваются этические проблемы в исследовательском и образовательном пространствах, в данном, одиннадцатом издании много места уделяется экзистенциальным ценностям, поиску новых смыслов, историко-философской тематике, а также практическим аспектам применения тех или иных этических принципов. Участники форума единодушно стремились продемонстрировать актуальность вечных морально-философских вопросов в условиях противоречивого, быстро меняющегося мира.

ББК 87.7

ISBN 978-5-00102-667-9

(Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вводный раздел

Минеев В.В., Викторук Е.Н., Александрова О.В., Кокорин А.Н. Познание в ансамбле добродетелей	6
--	---

Раздел 1. Императивы и ценности меняющегося мира

Бармашова Т.И. Русская философия о морали и религиозной вере в духовном опыте личности	12
Логунова Л.В. Утилитаризм английский и русский	15
Чистов Р.С. Свобода воли как основание морального самоопределения личности и социальных изменений	18
Шадрин В.А. Демократия как миф. Этические аспекты	21
Пантин И.В. Проблема отчуждения: особенности материалистического подхода	24
Кубасова Я.В. Феномен аморальности в современном мире	27
Анцупова В.В. Социальное пространство и его освоение человеком	30
Шпак В.В. Формальная этика Генслера и золотое правило нравственности	33

Раздел 2. Этические проблемы в исследовательском пространстве

Мартишина Н.И. Между эпистемалогией и этикой: эпистемические добродетели как предмет исследований	37
Китарюгло А.Г. Экономическая этика: становление и перспективы	40
Козловская А.Н. Место когнитивных ценностей в системе ценностей	43
Мышковская А.И. Особенности философской практики: взгляд Герда Ахенбаха	46
Кудашкин М.В. Проблема редуктивного морального натурализма на примере диалога «Гиппий Меньший»	50
Думов А.В. Об объяснительном потенциале алгоритмических моделей для исследования функционирования социальных норм	53

Черепанова Е.В., Родина А.Е. Эпистемические добродетели студента	56
--	----

Раздел 3. Этические проблемы в образовательном пространстве

Гох А.Ф., Викторук Е.Н., Орлова О.Ю. Этические аспекты консультирования родителей детей с ограниченными возможностями здоровья	59
---	----

Барина С.Г. Дисциплина «теология» как гарант сохранения духовно-нравственных ценностей	62
--	----

Тупикова К.А., Мешкова И.В. Этическая компетентность педагога в контексте подготовки старшекласников к Единому государственному экзамену	65
---	----

Быстрова Е.М., Бабакова Н.Н. Использование кейс-метода для повышения эффективности образования студентов колледжа	68
--	----

Сафронеев А.Д., Мешкова И.В. Развитие интереса к культуре страны изучаемого языка у подростков через прослушивание иностранной музыки	71
--	----

Любичева В.Д. Мотивационная готовность ребенка дошкольного возраста с ОВЗ как главный фактор обучения в школе	74
--	----

Блинова К.А. Староста как лидер студенческой группы	77
---	----

Мутовина К.Ю. Роль культуры при обучении английскому языку	80
--	----

Самсонов С.С. Музыкальный театр и культурная экспансия: градус давления	83
---	----

Осташкина Е.С., Маячка Д.В. Спортивная этика в образовательном пространстве	86
---	----

Холонина Н.В. Цивилизационные добродетели студента	89
--	----

Заключительный раздел.

Экзистенциальные ценности: поиск новых смыслов

Чупин Д.Д. Идеи философии стоицизма в логотерапии Виктора Франкла	93
---	----

Лобанова Н.И. Экзистенциальный смысл акедии	96
---	----

Сведения об авторах	99
---------------------------	----

ВВОДНЫЙ РАЗДЕЛ

ПОЗНАНИЕ В АНСАМБЛЕ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

COGNITION IN THE ENSEMBLE OF VIRTUES

В.В. Минеев, Е.Н. Викторук
О.В. Александрова, А.Н. Кокорин

V.V. Mineyev, E.N. Viktoruk
O.V. Aleksandrova, A.N. Kokorin

Познание, добродетели, достоинство, арете, рассудительность.

Осмысливается место познавательной способности и познавательной деятельности в структуре позитивных человеческих качеств, в нравственной жизни, рассматриваемой сквозь базовую оппозицию порока и добродетели. Акцентируется интегрирующая и завершительная роль познания в отношении всего кластера добродетелей.

Knowledge, virtues, dignity, arete, prudence.

The place of cognitive ability and cognitive activity in the structure of positive human qualities, in life considered through the basic opposition of vice and virtue, is comprehended. The integrative and final role of cognition is emphasized in relation to the entire cluster of virtues.

Добродетели с трудом поддаются систематизации, хотя попытки составить более или менее устойчивый перечень и даже выстроить некоторую иерархию предпринимались не раз. Вспомним хотя бы *Preußische Tugenden* или подразделение добродетелей на кардинальные (от латинского *cardo* – крюк, шарнир, ось, поворотный пункт, центр) и все прочие, «подвешенные» на них. В аристотелевской этике огромную роль играло установление различия между этическими добродетелями и дианоэтическими [1]. Но И. Кант, старательно дифференцировавший десятки добродетелей, предпочел разделить всю их совокупность на два совсем других класса: те, что касаются обязанностей по отношению к самому себе, и те, что касаются обязанностей по отношению к другим [2].

Важность и вместе с тем трудность задачи проистекает из того, что добродетели (как, впрочем, и пороки) не просто взаимосвязаны между собой, но находятся в состоянии взаимопорождения, бутстрэпа («зашнуровки»). Фрактальность, или самоподобие, – фундаментальный принцип бытия и способ конструирования картины мира – не обошла стороной и *imago hominis* [3]. Любая добродетель гомотетична всей целокупности. Отсюда непреодолимая неоднозначность основополагающих понятий (например, легендарная софросюне в платоновском «Хармиде» [4]), трудности перевода, явно условная терминология. Так, этическая добродетель «благоразумие» и дианоэтическая «рассудительность» отнюдь не тождественные в этике Аристотеля, нередко переводятся на английский язык одним и тем же словом – *prudence*. Имеется немало расхождений между католическим и православным списками смертных грехов, а следовательно, добродетелей. Между тем данный каталог полностью сохраняет свое влияние и на современную систему ценностей.

Многие неувязки бросаются в глаза уже при первом прочтении. 1. Нечеткость соотношения гордыни (‘υπερηφάνια) и тщеславия (κενοδοξία) и, соответственно, кротости и смирения. При этом в современном прочтении «гордыня» вообще подменяется «гордостью» (pride) и «славой» (glory). 2. Отсутствие прямого упоминания зависти (invidia) в православной версии и ее смешение с грустью (λύπη). 3. Гетерогенность и смысловая перегруженность понятия «акедия» (‘ακηδία, acedia), которая интерпретируется как нелюбовь к семье, небрежность, лень и, наконец, смертный грех уныния. Любопытно то, что противопоставляемая акедии добродетель усердие (industria) в протестантской культуре понимается прежде всего как старательность, любовь к труду самому по себе, прилежность (английское diligence). Однако в отечественной традиции – как **сердечное** расположение, горячая преданность человеку или делу. 4. Противоречия внутри смыслового поля, объединяющего caritas, clementia и gratia (любовь, милосердие, милость, щедрость, благодать и прочее), обнаружились еще в эпоху господства средневековой латыни и унаследованы современными западноевропейскими языками. Продолжать обзор спорных моментов можно было бы еще долго.

В этой связи **по-прежнему актуальны** поиски основания сущностного единства добродетелей. Предпринимаются попытки идентифицировать «человеческую природу», проявлениями которой и оказываются многочисленные позитивные качества. Такой добродетелью *per se* Сократ, по свидетельству учеников, считал знание, или мудрость, – умение отличать хорошее, надлежащее от дурного. Платон, хотя и ставил мудрость на первое место, в качестве некоторого суммирующего или связующего начала называл справедливость [5]. У Аристотеля же акцент смещается со статичной характеристики на методологический принцип. Согласно этому принципу, добродетель представляет собой золотую середину между двумя крайностями-пороками [1]. Например, мужество между трусостью и безрассудством. Подобно платоновской справедливости аристотелевская мера выражает момент гармонии личного и общественного. Однако такой подход был отвергнут Кантом: разные пороки и добродетели имеют совершенно разные максимы и невозможно быть «слишком добродетельным». Добродетель – это проистекающее **из разума** категорическое намерение возвыситься над своей природой, «твердость максимы», «моральная твердость воли человека в соблюдении им долга» [2, с. 340-341]. В основе лежит знание долга. Впрочем, и у Аристотеля добродетель предполагает знание и умение (и, кстати, волю, желание) находить «золотую середину». В Книге Третьей «Никомаховой этики» прямо говорится, что добродетель включает в себя и понимание добра, и волю делать добро. Фронезис основан на знании.

Дело в том, что добродетель – феномен действительно многомерный и многоуровневый, социальный и антропологический: свойство характера и ценность, способность и желание делать добро, но также и само делание, доброе дело, благодеяние. Virtus – это, строго говоря, **деятельная добродетель**, от слов vir – мужчина, герой и vis – сила. Способность и привычка получать удовлетворение

(удовольствие) от делания добра. Сема *virtus* включает энергию (греч. ἐνέργεια – действие, сила), мужество, дарование, талант, совершенство. С одной стороны, *virtus* составляет достоинство (сущностное, умопостигаемое качество, ценность, *dignitas*). С другой – проявляется в зримой форме доблести (то, что блестит). Действительно, в платоновско-аристотелевской традиции ἀρετή, которое римляне перевели с помощью своего *virtus*, означало не только добродетель, но и сущность, предназначение вещи, ее пригодность (отсюда, между прочим, аристократичность). Согласно Аристотелю, добродетель – это не только путь к счастью, но и само счастье. Почему? Счастье составляет цель жизни, осуществление сущности. Поскольку сущностью человека является мышление, то счастье заключается в познании, в занятиях наукой и искусством. А то, что ведет к счастью, – разумность, знание, преодоление страстей посредством самоограничения – и есть добродетель. **Добродетель, то есть ἀρετή** – то, что делает человека именно человеком, его существенное свойство (соответствие вещи своей цели). Реализация природного свойства, переход из возможности в действительность (энергетический аспект добродетели) гарантирует достижение счастья (предназначения).

Современное слово «добродетель» вобрало в себя достаточно много смыслов и аллюзий [6]. Тем не менее наблюдается возрастание интереса к термину «арете» [7]. На наш взгляд, возрождение арете свидетельствует об утрате привычным словом «добродетель» того смысла, который очевиден в слове «арете». Именно арете возвращает нас к изначальной интуиции единства знания (научной объективности), нравственной добродетели, сущности человека, его предназначения и, наконец, счастья. Способствует восстановлению целостности *imago hominis*. Ведь *imago hominis* – это не только образ, образец (παράδειγμα), которому человек должен удовлетворять в соответствии со своим онтологическим статусом. Но это также «имидж», порождаемый ложным сознанием (пропаганда, пиар) и угрожающий образу разуподоблением, а человеку – утратой сущности. К сожалению, процесс «исчезновения человеческого в человеке», связанный с разрывом между научно-инструментальными, техническими аспектами приобретения знаний и аспектами нравственными, идет полным ходом [8].

Итак, хотя добродетели формируются в процессе воспитания, они не являются каким-то внешним, случайным свойством, но укоренены в природе человека.

Какое место в спектре добродетелей занимает познание? Познание – это приобретение знаний и понимания (знание и понимание неразрывны, но все-таки не тождественны). Источниками знания служат опыт и рассуждение. Добродетели предполагают осознанность желаний и действий, а следовательно, то или иное их понимание. Ни одна добродетель не реализуется в отрыве от знания. **Но является ли добродетелью познание само по себе?** Безусловно, да. Любознательность, наблюдательность, памятьливость, последовательность (в суждениях) и прочие «когнитивные» феномены могут трактоваться одновременно и как качества личности, и как характеристики умственных способностей, и как особенности деятельности.

На наш взгляд, познание очень точно отвечает стандарту «деятельная добродетель». Познание – такой процесс, который не в меньшей (а может, даже в большей) степени, чем сама по себе сдержанность или сама по себе дисциплинированность, позволяет человеку совершать добрые поступки и способствует достижению личного и всеобщего блага. Знание – основной ресурс морально-практического самосовершенствования – возвышает *virtus* до виртуозности. Не говоря у же о том, что многие традиционно упоминаемые нравственные добродетели имеют выраженный когнитивный (эпистемический), информационно-коммуникативный аспект: искренность, терпеливость (без которой невозможно составить полную картину происходящего), уважительность (по отношению к другому, который всегда учитель)...

Знание не тождественно информации. Поэтому выдвижение познания в центр нравственной жизни не противоречит авраамической традиции, прежде всего еврейской концепции «добротого сердца», которое вмещает все добродетели смиренно и сострадательно. К способности сострадать ведет познание, а сострадание открывает сердце окружающему миру, позволяет достичь истинного знания о Другом. В противном случае знание остается формальной осведомленностью о факте и не может считаться подлинным знанием-пониманием. Доброе, любящее и смиренное сердце одновременно эмпатично и когнитивно. Оно восприимчиво к самым разным переживаниям: от паскалевского ужаса до романтического восторга и знаменитого *saudade*. Поэтому признание интегрирующей роли познания в системе добродетелей вполне согласуется не только с классической этикой, но и с неклассической, с *Lebensphilosophie*, а также с предшествующими ей движениями – сентиментализмом, романтизмом, *Sturm und Drang*.

Ж.-Ж. Руссо писал: «Вы более хотите меня смутить, чем обучиться чему-то, спрашивая, что есть добродетель? В двух словах я мог бы сказать, что ни от кого вы этого не узнаете, кроме как от самого себя, а сами никогда не будете знать ответа на этот вопрос, пока ваше сердце вам на него не ответит» [9, с. 126]. Человек может найти образ добродетели, лишь исследуя свои природные склонности. Опять-таки познание, хотя и не отвлеченно-понятийное, не метафизическое. Согласно Руссо, у каждого человека имеется громадный долг перед человечеством, а выплата долга и есть путь к счастью. Долг же касается, прежде всего, знаний и умений, приобретенных у предшественников (при этом материально-вещественный компонент, орудия труда, технику правомерно принимать за овеществленное знание). Такая трактовка не противоречит и шиллеровским представлениям о добродетели, укорененной в природном чувстве [10].

Исключительной глубины и сложности достигло учение о добродетели в философии Ф. Ницше, остановиться на которой не позволяет формат данной статьи. Отметим лишь когнитивную ориентированность первой из четырех добродетелей: быть честным относительно себя и друзей. Ницшеанский образ «танцующей добродетели» передает ощущение ее возвышенности и легкости, ее транзитивности и неуловимости. А пассажи о «дарящей добродетели» подчеркивают ее неутилитарный характер [11].

Таким образом, анализ достаточно разных подходов позволяет прийти к выводу о том, что ансамбль добродетелей – широчайшая совокупность антропологических феноменов (качеств, действий), среди которых ведущая роль принадлежит все-таки (по)знанию.

Библиографический список

1. Аристотель. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.
2. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 107–438.
3. Комков О.А. Imago hominis: концепции человека в истории европейской культуры. Ч. 2: Антропография Библии // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 124–137.
4. Платон. Хармид // Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 296–326.
5. Платон. Государство // Соч. в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. С. 89–454.
6. Артемьева О.В. У истоков современной этики добродетели // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 163–181.
7. Базалук О.А. Возрождение термина «арете» в современной философии // Schole, СХОЛЭ. 2019. № 1. С. 198–207.
8. Сигида Н.А. Добродетель и кризис гуманизма // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrodetel-i-krizis-gumanizma> (дата обращения: 11.12.2023).
9. Руссо Ж.-Ж. Письмо о добродетели и счастье // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 2. С. 123–130.
10. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: Рипол-Классик, 2017. 242 с.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.

Раздел 1.
ИМПЕРАТИВЫ И ЦЕННОСТИ
МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ О МОРАЛИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЕ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЛИЧНОСТИ

RUSSIAN PHILOSOPHY ABOUT MORALITY AND RELIGIOUS FAITH IN THE SPIRITUAL EXPERIENCE OF PERSONALITY

Т.И. Бармашова

T.I. Barmashova

Мораль, религиозная вера, духовный опыт личности.

В статье анализируются воззрения русских философов, акцентирующие приоритетное значение морали и религиозной веры в духовном опыте личности.

Morality, religious faith, spiritual experience of the individual.

The article analyzes the views of Russian philosophers, emphasizing the priority importance of morality and religious faith in the spiritual experience of the individual.

Проблема духовного опыта личности является одной из важнейших проблем человеческого бытия. Особый интерес к этой проблеме всегда проявляла русская философия, ориентированная на персоналистическое понимание человека. Придавая приоритетное значение морали и религиозной вере в духовном опыте личности, русская философия эксплицирует человека как сложное существо, реализующее многоступенчатый процесс облагораживания своей земной природы и пытающееся одолеть трудный путь восхождения к Богочеловечеству и приближения к Божественному совершенству.

В этом отношении показательна концепция известного русского философа Н.А. Бердяева [1]. Подчеркивая многомерный и неоднозначный характер этики, мыслитель выделяет этику закона, этику искупления и этику творчества. Согласно ему, этика в глубоком смысле слова должна быть учением о пробуждении человеческого духа, а не сознания, творческой духовной силы, а не закона и нормы. Этика закона, этика сознания, подавляющая подсознание и не знающая сверхсознания, по его мнению, является порождением аффекта страха в человеке и последствием первородного греха. Искупление завершается лишь в творчестве. Это и есть основная идея новой этики.

Возможность излечения души человека Н.А. Бердяев видит только в построении новой этики, основанной не на нормах и законах сознания, а на благодатной духовной энергии. В этом отношении философ не случайно обращается к христианскому учению о благодати, которое всегда было учением о восстановлении нравственного здоровья. Человек стремится к восстановлению душевного здоровья не только через победу над грехом, но и через творчество.

С.Л. Франк также идет по пути дифференциации морали, различая мораль неформулированную и формулированную, соответственно разграничивая нравственное чувство (основывающееся на нравственных инстинктах) и моральную доктрину (с воспитанным ею моральным сознанием). Моральная доктрина и сознание всегда отстают от нравственного чувства, не вполне соответствуют ему и не выражают его точно и полно. Задачей этики он считает установление согласия между моральными убеждениями и нравственными чувствами, пересмотр и углубление морального сознания путем сопоставления его с природными или привитыми человечеству нравственными инстинктами.

Мыслитель отдает приоритет нравственным инстинктам перед социализированными моральными установлениями, которые искусственно ограничивают полноту нашего духа, втискивая в узкие, строго очерченные рамки. Подведение личности без учета ее своеобразия в какую-то заранее заготовленную форму человек ощущает как насилие, которому не может не подчиниться. Это происходит потому, что мы сознаем наш дух во всей его полноте и цельности как нечто абсолютно ценное. Для С.Л. Франка не подлежит сомнению, что моральные принципы и отвлеченные моральные идеалы нормируют только внешние проявления духовной жизни, чаще всего ценою внутреннего морального ее искажения [2].

Своеобразное этическое учение создает Н.Ф. Федоров. Важным фактором достижения всеобщей цели – нерасчлененности существования человеческой общности – философ считает супраморализм, представляющий собой высшую нравственность, стремление к осуществлению заповеди быть совершенным и подобным Творцу, реализующее себя при переходе от истории как взаимного истребления к истории как исполнению проекта воскрешения [3].

Известный гуманист И.А. Ильин эксплицирует мораль и религиозную веру в неразрывном единстве. Признавая мораль основополагающим фактором жизни индивида и общества, философ подчеркивал тот важный момент, что от моральной выраженности зависит характер веры. В этом смысле философ акцентирует тот факт, что «русский язык придает идее “веры” два различных значения: одно связывает веру с потребностью верить, а другое – со способностью веровать». Если верят все люди, то веруют далеко не все, поскольку верование предполагает в человеке способность расположиться душою (сердцем, волей и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывает им некий «путь к спасению».

Верование, видимо, в большей степени основывается на сознательном моральном выборе. В механизме веры И.А. Ильин выделяет некий духовный закон, согласно которому человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Он придает настолько большое значение внешнему (внечувственному опыту), что считает его истинным источником и истинной областью веры, религии и всей духовной культуры вообще.

Ослабление влияния религии, согласно И.А. Ильину, порождает иррациональный кризис, «...который захватил подсознательные корни веры, нравствен-

ности, науки, искусства и правосознания» [4, с. 221]. Проблему времени мыслитель видит в потере иррациональной глубины души, в тяге к рассудку, естествознанию и технике в ущерб духовному опыту человека.

В рамках концепции Всеединого Сущего В.С. Соловьев также касается вопроса о первостепенном значении морали и религиозной веры в процессе приближения человека к Божественному совершенству. Говоря о нравственности, философ связывал ее с разумной свободой или нравственной необходимостью и исключал свободу иррациональную, основанную на безусловном или произвольном выборе. Служение добру должно быть добровольным, а для этого ему нужно пройти через человеческое сознание. Всеединая идея может окончательно реализоваться или воплотиться только в полноте совершенных индивидуальностей. В этом контексте В.С. Соловьев понимает любовь в проявлении ее высших форм, она является необходимым условием соединения любящих в едином целом, Бога и человека, в конечном счете воссоздания гармонии мира [5].

Религиозный философ Б.П. Вышеславцев аналогичным образом видит главную задачу человека в нравственном совершенствовании и в осознании своего богоподобия. Спасение он видит в религиозной вере, в основе которой коренится некоторая творческая интуиция в отношении к Абсолюту. Вершиной сублимации он считает обоживание человека [6].

Таким образом, невозможно не согласиться с русскими мыслителями в том, что именно мораль, нравственность и религиозная вера позволяют человеку сохранять истинно человеческое в своем духовном опыте.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 624 с.
2. Франк С.Л. Крушение кумиров: Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 113–180.
3. Федоров Н.Ф. Философия общего дела: Сочинения. М.: Раритет, 1994. 416 с.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления: Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 39–282.
5. Соловьев В.С. Избранное. СПб.: Диамант, 1998. 444 с.
6. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. С. 154–324.

УТИЛИТАРИЗМ АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ

UTILITARIANISM ENGLISH AND RUSSIAN

Л.В. Логунова

L.V. Logunova

Нравственность, мораль, утилитаризм, антиутилитаризм, польза, свобода, этический выбор.

В статье представлен сравнительный анализ проблемы этического выбора у И. Бентама и Ф.М. Достоевского. Рациональная конструкция добра как выбора наименьшего из зол перегружена условиями, которые необходимо учесть, и допустима только в теории катастроф. Утилитаризм Бентама противопоставлен антиутилитаризму Достоевского.

Morality, utilitarianism, anti-utilitarianism, benefit, imperative, freedom, ethical choice.

The article presents a comparative analysis of the problem of ethical choice in I. Bentham and F.M. Dostoevsky. The rational construction of good as the choice of the least of evils is overloaded with conditions that must be taken into account, and is permissible only in the theory of catastrophes. Bentham's utilitarianism is contrasted with Dostoevsky's anti-utilitarianism.

Термин «утилитаризм» происходит от слова «польза». Нравственно то, что приносит пользу максимальному количеству людей. Основателями являются Иеремия Бентам (1748–1832) и Джон Стюарт Милль (1806–1873). Основная книга И. Бентама «Введение в основания нравственности и законодательства». Основной этический труд Дж. Ст. Милля – «Утилитаризм».

Мы рассмотрим только теорию Бентама и сравним его определение добра с христианской позицией. С антиутилитаризмом И. Златоуста и Ф.М. Достоевского.

Итак, И. Бентам считал, что нравственность должна быть основана на удовольствии.

Откуда взялась эта идея? Из античности. Этика гедонизма и даже эвдемонизма признает, что удовольствие является благом для абсолютного количества людей. Но разумный человек знает в удовольствии меру, что, конечно, требует усилий. Добродетели воспитываются, телесные – упражнением, разумные – поступками. Трудно быть добродетельным. Скажем, у Аристотеля мужество – преодоление через страх и боль, щедрость через умеренность, умение экономить, зарабатывать, причем не подлыми способами.

У Бентама возникает идея вывести добродетели из человеческих страстей, *не против них, но из них*. В этом разница. Отчасти она объясняется нелюбовью к аскезе, ограничению желаний. И недоверием к католической аскезе протестантов.

Бентам утверждает, что каждый человек стремится к своей собственной пользе. Так, все люди хотя бы в некоторой степени являются эгоистами. Это значит, что даже когда мы хотим сделать что-то хорошее для другого человека, мы, как правило, ищем в этом и свою пользу. Например, если я помогаю какому-то близкому человеку, то я в некотором смысле ощущаю собственное достоинство.

В первую очередь мне нравится, что я способен на такой поступок. Я чувствую от осознания этого факта удовлетворение. Почему? Потому что я чувствую, что моя жизнь подвластна мне, что я могу управлять своими поступками и желаниями и преодолевать себя в нужный момент. А еще потому, что я чувствую, что я именно тот человек, которым я хочу быть: моя жизнь протекает в соответствии с моим собственным нравственным идеалом [1, с. 9–16].

Далее Бентам заявляет, что общество – это «фиктивный индивид». Это похоже на современный обобщенный образ потребителя. Например, где то в статистических джунглях все мы числимся как покупатели того или иного стирального порошка. Этот фиктивный индивид тоже не хочет испытывать страдания и хочет пользы для себя. Эта польза и есть общественная мораль.

Возражения против этой теории возникают сразу. Как измерить удовольствие и боль, ведь это субъективно? А как быть с псевдочувствами?

Сам Бентам говорит, что, помимо удовольствия и боли, на наши поступки влияют следующие обстоятельства. Основные: темперамент, здоровье, сила, телесные недостатки, степень просвещения, умственных способностей, твердости души, постоянство и наклонности человека, понятие о чести и религиозные верования, привязанность и ненависть к кому-либо или чему-либо, умственное состояние на данный момент, денежное положение. Кроме того, есть и второстепенные обстоятельства, которые также должны быть приняты в расчет, а именно пол, возраст, общественное положение, воспитание, занятия, климат, раса, правительство и, наконец, религиозная конфессия [1, с. 41–46].

Очень громоздкая конструкция. Есть такой принцип – «бритва Оккама», который гласит: «не умножай сущности сверх необходимого». Почему бы не признать, что мы совершаем добрый поступок из жалости. Невозможно видеть чужое страдание.

Также Бентам борется с теорией симпатий. Если мы свободно будем кого-то жалеть, а кого-то нет, то в этом не будет, по его мнению, никакого порядка. Бентам говорит, что когда я приношу пользу другому человеку на том основании, что я имею к нему какую-то склонность, то я, по сути, проявляю свой произвол. Следовательно, мы не можем возвести такое поведение в ранг общего принципа, ведь тогда каждый поступал бы так, как ему хочется (по своему произволу, в соответствии со своими симпатиями). Разве это и есть общий принцип нравственности? Нет, говорит Бентам, это скорее отрицание всякой нравственности. Так нельзя [1, с. 46–58].

Почему же нельзя? Можно. Это принцип свободы воли. Трансцендентной, потусторонней, подаренной свыше, неотменяемой. Но этот принцип Бентаму тоже не нравится, человек как *машина* удовольствия и боли *должен подчиняться*, он не может, как писал Ф.М. Достоевский «по своей глупой воле пожить».

Явно и притяжение, и отторжение им христианской позиции. Иоанн Златоуст писал, что подавая милостыню, мы не должны смотреть ни на просящего, ни на дающего. Важна сама милостыня, а не ее участники. Важен сам поступок, а не то, чем человек руководствовался в данный момент [2].

Кто знает, какие бури бушуют у человека в душе, пока он совершает добрый поступок. Это прекрасно описывает Ф.М. Достоевский в «Преступлении и наказании». Родион Раскольников, будущий убийца, уже спланировал свое преступление. Даже петельку нашил внутри на пальто, чтобы на нее топор повесить. На улице встречает пьяного Мармеладова и ведет его домой. Увидев неприкрытую нищету, голодных детей он выгребает из кармана последние деньги и кладет их на подоконник. Делает несколько шагов по лестнице и ...жалеет. Деньги последние, он сам голодает. Начинает рационально, рассудочно думать: «Ну что это за вздор такой я сделал, тут у них Соня есть, а мне самому надо». И Раскольников решил вернуться и забрать деньги. Сделал шаг назад, другой, потом махнул рукой, повернулся и вышел на улицу [3].

Заметьте, он пожалел о своем добром поступке. Но и сама эта жалость и то, что он жалеет о своем таком нерациональном поступке, и хочет это отменить, и может отменить, это эмоции. И свобода воли. Так происходит реальный моральный выбор. Абстрактно здесь только холодное, рациональное соображение пользы. Вот как раз эгоизм просчитать можно. Но эгоизм добра не делает. Здесь Бентам неправ.

Библиографический список

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 416 с.
2. Златоуст И. Гомилия «О милостыне» [Электронный ресурс]. URL: [http:// azbyka.ru /](http://azbyka.ru/) свяитель Иоанн Златоуст. Гомилия «О милостыне» (дата обращения: 08.10.20203).
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Neoclassic, 2022. 672 с. Гл. 2.

СВОБОДА ВОЛИ КАК ОСНОВАНИЕ МОРАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

FREE WILL AS THE BASIS OF MORAL SELF-DETERMINATION OF PERSONALITY AND SOCIAL CHANGE

Р.С. Чистов

R.S. Chistov

Личность, воля, ответственность, каузальность, свобода, социальная жизнь.

В статье рассматривается дискурс воли в естественных науках и гуманитарном знании и выводится заключение о совместимости каузальной детерминации и свободы воли. Указанная совместимость основывается на ответственности личности, обеспеченной социально-культурными практиками.

Personality, will, responsibility, causality, freedom, social life.

The article examines the discourse of will in the natural sciences and humanities, and draws a conclusion about the compatibility of causal determination and free will. This compatibility is based on the responsibility of the individual, ensured by socio-cultural practices.

Как известно, в конце XIX – начале XX в. дискурс о человеческой воле занимал важное место в философской и психологической литературе. В философском ключе воля была осмыслена у Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, М. Шелера, а в психологии воля обсуждалась через представления о волевом поступке, силе воли, характере человека. Однако начиная с 20-х гг. XX в., с развитием экспериментальной психологии воля стала выпадать из дискурса. В современных учебниках в основном представлена когнитивная психология, связанная уже не с силой воли, а с представлением, мышлением, памятью и другими феноменами. Проблема, с которой столкнулись психологи, заключалась в том, что воля – это диспозиционное качество личности. Это такое свойство, которое проявляется в момент его проявления. Поэтому экспериментальным путем, как оказалось, волю анализировать трудно, как и любую диспозицию. Кроме того, воля – это не скалярная характеристика. Это не статика, а динамика и векторная величина.

Кроме того, ситуация стала более сложной в связи с тем, что в XIX в. в связи с формированием экспериментальной науки проблема перешла в плоскость соотношения свободы воли и каузальности. Возникла идея использования в проблеме воли причинно-следственных связей. Таким образом, возникло жесткое различие естествознания и гуманитарных наук. Есть естественные науки, которые занимаются причинно-следственными связями, и в естественном мире никакой свободы воли нет. В свою очередь, есть гуманитарное знание. По-немецки гума-

нитарные науки – это *Geisteswissenschaften*, то есть науки о духе. Есть существа, наделенные духом, свободой воли, и они могут менять реальность по своему выбору, то есть воля – шаг в духовность, или духовную жизнь. Воля, если она связана с моралью, ответственностью, вменяется кому-то, и кого-то мы рассматриваем как волевого человека.

Важные события произошли в 60-х гг. прошлого века. Серия опытов американского психолога Б. Либета, связанных с поиском роли самости и самосознания человека при совершении действий показала, что есть зазор между нейрофизиологической активацией и осознанным решением с интервалом в несколько секунд или менее того [1]. При иннервации некоторых участков головного мозга у человека возникает стремление что-то делать, то есть никакой свободы воли нет, а человек находит способы оправдать свои действия и его решения предопределены. Причинно-следственные связи, иннервации, сам организм опережают какие-то попытки построения выбора. Таким образом, с этой точки зрения свобода воли есть миф. По этому поводу американский философ Д. Перебум отмечал, что люди не обладают свободой воли, необходимой для моральной ответственности [2]. Однако в этом случае в подвешенном состоянии оказываются мораль и право, поскольку они построены на том, что индивид мог или не мог сделать. В результате конец XX в. прошел в атмосфере споров представителей компатибилизма и инкомпатибилизма, то есть совместима ли свобода воли с детерминизмом или нет.

Гуманитарные науки находят решение в том, что самосознание является эпифеноменом культуры. Самость, самосознание, «Я» человека возникает в процессе общения с другими людьми, совместного освоения каких-то культурных практик и опыта. Все это сопровождается словесными комментариями и рассказами. Ребенок до 3 лет, осваивая речь, говорит о себе в 3-м лице. После же ребенок осваивает нарративы от первого лица. Ему постоянно объясняют, что он сделал так или не так. В результате под влиянием ответственности взрослеющий человек принимает, понимает и повторяет эти рассказы. Так возникают моральное самоопределение, самосознание, субъектность и представление индивида о том, что он может что-то делать, начиная с себя самого.

Таким образом, решение проблемы свободы воли находится где-то в плоскости формирования самосознания, памяти, которая связана с влиянием социально-культурного опыта на индивида через коммуникацию. Возникает петля Мебиуса или Д. Хофштадтера. Самосознание – это некая странная петля, которая возникает на основе нейронных сетей, однако замыкание ее открыто социальному опыту и саморазвитию. Как говорит психолог А.Г. Асмолов, это способность к прокреативной преадаптации, т.е. умение предвидеть развитие будущего, строить какие-то возможные реакции поведения и тем самым создавать новые условия своего приспособления к окружающей действительности [3].

Наши поступки, за которыми стоят какие-то стремления и мотивации, изменяют реальность. Человек способен предвосхищать нечто, моделировать или

проектировать будущее, и тогда молекула ДНК или периодическая система химических элементов становится реальностью. Наш внутренний мир способен опережать реальность, если он строит какие-то планы на длинной дистанции. На такой дистанции сформированное самосознание, как продукт длительной коммуникации с другими людьми, строит те или иные нарративы, рассказы о происходящем, в которых мы являемся субъектами. Мы верим в эти нарративы, и поступаем соответствующим образом. На короткой же дистанции всегда первична каузальность, и в этом плане результаты опытов Либета объективны.

В завершение необходимо отметить, что воля обеспечивает не только моральное самоопределение человека, но и особый режим жизни общества, который предполагает схождение и постоянство координации множества сил и их сосредоточения. Можно вспомнить пример античного полиса. Очевидно, что эта социальная форма держалась на активном ежедневном участии в ней каждого грека, на их напряжении быть в полисе, быть гражданами, порождать усилием воли режим личной ответственности и индивидуального риска. Когда это напряжение исчезло, то исчезла и греческая цивилизация, поскольку форма не гарантирована естественными процессами, или инерцией. Например, нельзя установить гражданский закон и после забыть о нем, думая, что он будет продолжать существовать самостоятельно. Поэтому цивилизация вообще не может существовать сама по себе и постоянно возобновляется на волне человеческой воли и усилий.

Библиографический список

1. Libet В. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // Behavioral brain sciences. 1985. Vol. 8, No. 4. P. 529–566.
2. Перебум Д. Оптимистичный скептицизм относительно свободы воли // Логос. 2016. Т. 26, № 5. С. 59.
3. Асмолов А.Г. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь. 2018. С. 78.

ДЕМОКРАТИЯ КАК МИФ. ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

DEMOCRACY AS A MYTH. ETHICAL ASPECTS

В.А. Шадрин

V.A. Shadrin

Научный руководитель В.В. Минеев

Scientific advisor V.V. Mineev

Демократия, миф, политический миф, общество, государство.

В статье рассматриваются проблема демократии, мифичности отдельных ее положений и возникающие из этого проблемы. Ставится под сомнение достижимость идеалов демократии в обществе в силу их мифологичности.

Democracy, myth, political myth, society, state.

The article deals with the problem of democracy, the mythic nature of its individual provisions and the problems arising from this. The achievability of the ideals of democracy in society is questioned due to their mythological nature.

С первого упоминания демократии и до наших дней прошло более двух тысяч лет. Понятие демократии и отношение к ней менялись на протяжении столетий. Аристотель, как известно, уже отличал политическое господство от деспотии и понимал его как практику самоопределения свободных и равных людей. Однако демократия как государственная форма не нашла решительных сторонников среди философов, не нашла их ни в Античности, ни в Новое время вплоть до Руссо. И только французская революция разожгла спор философов вокруг понятия демократии [3, с. 33]. С того периода и до наших дней развитие демократии прошло серьезный путь. Частое употребление этого понятия привело к размытию первоначального значения и сформировало некий собирательный образ демократии. Такое положение обусловлено в том числе возникновением и закреплением за демократией различных мифов. Результатом мифологизации стало идеализирование демократии как наиболее правильного, если не единственно верного, способа управления государством. Однако при рассмотрении понятия и признаков становится ясно, что многое является мифом, скрывающим нерешенные проблемы демократии.

Сегодня среди ученых разных направлений, да и в обществе в целом, сложилось мнение, что вершиной политического прогресса является демократия. Иные доктрины либо остаются на втором плане, либо вовсе отвергаются. Демократия видится как идеальная, гармоничная власть народа, решениями которого достигается всеобщее благосостояние. Народовластие как основа демократии подразумевает, что народ будет напрямую определять жизнь своего государства, региона, муниципалитета. Но можно ли действительно создать такие условия?

Первым примером и наиболее соответствующим демократическим идеям были Афины в Древней Греции, где власть осуществлялась на общественных сходах, право голоса имели все непоработанные взрослые мужчины, существовали представительные органы и народные суды. И тут уже можно отметить, что право голоса не было дано всем, население управляло городом-государством, а не государством с большой территорией и населением, для осуществления деятельности предусмотрены выдвижения представителей от народа в различные органы власти. И даже при соблюдении указанных критериев нет гарантий, что сформированный порядок будет всегда и не найдется достаточное количество противостоящей силы, которая сможет разрушить этот порядок.

В какой степени можно прогнозировать, что установление демократии на определенной территории не приведет к ее изменению в иную форму правления? Полибий, например, уже в Античности сформулировал следующую мысль о формах государства. Существует шесть форм – царство и монархия, аристократия и олигархия, демократия и охлократия. Соответственно первая форма в каждой названной паре является правильной формой государства, она страдает неустойчивостью, ибо быстро вырождается в неправильную форму, ему соответствующую и сопутствующую. Полибий считает, что государство проходит путь от царства к демократии, но и демократия постепенно деградирует, народ становится пассивным в вопросе осуществления управления государством и снова находит себе властителя-самодержца, способного обеспечить законность и порядок в государственной жизни [2, с. 31–34].

Одним из основных признаков демократии сегодня называется разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Но данный признак, если рассмотреть подробнее, не относится непосредственно к демократии. Кроме того, представляется мифичным подразумеваемая власть народа в государстве с большим количеством различных органов, имеющих бюрократический аппарат, работающий по своим правилам.

Органы власти для эффективного функционирования должны существовать согласно принятым регламентам и правилам. Верховенство права – это следующий важнейший признак демократии. В демократическом порядке, писал В.В. Бибахин, многое отдано закону, примерно так же, как Одиссей велел связать себя, потому что не хотел позволять себе делать то, что хочется [1, с. 31]. Однако этот признак в действительности характерен и для других форм правления, за исключением тех, где право становится лишь инструментом для угнетения народа.

Выборность представителей законодательной власти и лиц, занимающих основные посты в исполнительной власти. Этот признак также можно поставить под сомнение как демократический, потому как в любой форме правления существуют должности, на которые будут избираться представители. Вопрос только в том, насколько эти выборы чисты и насколько независим в своем выборе избиратель? Потому как вместе с развитием политических идей развиваются и способы воздействия на население с целью склонить их к «правильному» выбору.

Можно предположить, что под термином «демократия» на самом деле понимается вовсе не народовластие, а совокупность качеств общественно-политических структур и систем управления, сложившихся в наиболее успешных странах. Существует мнение, что уже давно произошла подмена демократии как «власти народа» на «высокий уровень жизни народа», и именно высокий уровень жизни стал рассматриваться как демократия. Понятие «демократия» получило новое значение, никак не связанное с властью народа [4, с. 137].

Демократия как власть народа и другие признаки в той или иной степени самостоятельны и могут существовать в недемократических режимах. Миф о демократии и ее несомненном превосходстве над другими формами правления серьезно преувеличен. Это миф, в реальность которого уверовал сам народ, а за ним и избранные представители. Попытки проводить повсеместную демократизацию тоже не приводят к положительному результату по причине разнообразия народов, особенностей их исторического развития. Идеалы демократии, конечно, могут быть целью, стремясь к которой общество придет к большему благосостоянию, но это не должно означать, что такой путь единственно верный в столь неопределенном существовании общества.

Библиографический список

1. Бибихин В.В. Введение в философию права. М., 2005. 345 с.
2. Дробышевский С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учебное пособие. М.: Норма. 2018. 688 с.
3. Хабермас Ю. Демократия, Разум, Нравственность, Московские лекции и интервью. М., 1995. 244 с.
4. Шинкаренко В.Д. Современные идеологические мифы капитализма // Мифологос. Сер. Миф и общество: история, политика, социология. 2022. № 4. С. 135–146.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

THE PROBLEM OF ALIENATION: FEATURES OF THE MATERIALISTIC APPROACH

И.В. Пантин

I.V. Pantin

Научный руководитель **Е.Н. Викторук**
Scientific adviser **E.N. Viktoruk**

К. Маркс, отчуждение, философ, человек, труд.

В статье представлены аспекты проблемы отчуждения, рассмотренные в работах Карла Маркса. Дается характеристика проблемы отчуждения исходя из соображений философа. Рассматриваются проблема частной собственности и отношения человека к труду, а также взаимосвязь отчуждения и трудовой деятельности в современном обществе.

K. Marx, alienation, philosopher, man, labor.

The article presents aspects of the problem of alienation discussed in the works of Karl Marx. The problem of alienation is characterized based on the considerations of a philosopher. The problem of private property and man's attitude to work, as well as the relationship between alienation and labor activity in modern society, is considered.

В условиях развития современного общества проблема отчуждения является одной из наиболее значимых. Отчуждение занимает особое место в современной социальной философии. В связи с этим нельзя не вспомнить Гегеля, который разработал первую универсальную концепцию отчуждения, включающую в себя несколько взаимосвязанных сторон [5]. Впоследствии данная проблема подробно была изучена К. Марксом.

Проблема отчуждения, затрагивающая социальную сферу жизни каждого человека, а также экономическое содержание человеческого общества, лучше всего рассмотрена в философии марксизма.

У Маркса труд является основным условием способа бытия человека. Люди через реализацию своих способностей, когда производят тот или иной продукт, объективируются в создаваемыми ими предмете, вещи и одновременно приспосабливают для себя объект природы в соответствии со своими потребностями [4]. Исходя из концепции Маркса, труд не просто представляет собой средство получения материальных благ в качестве заработка, а является основной движущей силой развития родовых сущностных сил и конкретных способностей того или иного человека. Также марксизм акцентирует внимание на социальном характере труда, поскольку сущность человека есть совокупность общественных отношений [2].

Философ находит источник отчуждения в экономике, им является частная собственность, представляющая собой продукт исторического развития, которая при определенных условиях может исчезнуть, переставая удовлетворять потребности развития производства. Частная собственность, ее появление, представляют собой результат отчуждения труда, основой которого является идея социального разделения трудовой деятельности.

Когда продукт трудовой деятельности противостоит труду как чуждое образование, тогда и происходит отчуждение труда. Создаваемый трудом рабочего товар становится внешним, не принадлежащим человеку и противостоящим ему как свободное и враждебное нечто. Если рассматривать результаты труда с позиции самоотчуждения, тогда деятельность людей становится отчужденной, при этом превращаясь в самостоятельную и чуждую, совершаемую вопреки сознанию силу. Трудовая деятельность не носит добровольный характер и даже подчиняет себе человека, регламентируя его жизнедеятельность, поскольку он должен трудиться для удовлетворения своих базовых потребностей, фактически человек утрачивает свободу. Тем самым он отчуждается не только от собственной, но и от творческой сущности и преобразующей реальность деятельности. Труд рабочего, его результаты и сам работник становятся принадлежностью другого, человек теряет самого себя. «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в лучшем случае расположившись у себя в жилище, в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [3].

Философ также отмечает, что утрата своей родовой сущности человеком делает бессмысленным само его существование, поскольку истинное предназначение творить и самосовершенствоваться, закрыты рутинной и повседневными заботами. Впоследствии меняется и отношение между рабочими в процессе отчуждения. Происходит изоляция людей друг от друга, утрачивается совместный характер работы. У человека на первый план начинают выходить конкуренция, жажда наживы, желание обладать материальными благами, данная ситуация возникает как следствие социального неравенства.

По Марксу, то, как живое существо действует в мире, то есть каким образом оно удовлетворяет свои потребности, и составляет родовой характер этого живого существа [1].

В связи с этим К. Маркс описывает четыре формы отчуждения: отчуждение рабочего от производимого продукта; отчуждение человека от собственной сущности; отчуждение от родовой сущности; человека от человека.

Согласно марксизму, общественное бытие определяет индивидуальное сознание, создает целостного человека в предметном мире. Отчуждение формирует в обществе через трудовую деятельность негативное отношение одного человека к другому, как эксплуатируемого и эксплуататора. Люди как субъекты труда осуществляют процесс производства и представляют собой главные произво-

дительные силы, тем самым являясь основой развития общества. Поскольку человек является главной производительной силой, то потеря своего творческого потенциала из-за отчужденного труда в рамках частной собственности при капиталистическом устройстве ведет к духовной деградации общества. Таким образом, труд, который должен представлять собой процесс реализации духовных и физических сил человека, продается в качестве товара капиталисту за определенную стоимость. Капиталистическая собственность составляет основу отчужденного труда. Вся жизнь человека начинает определяться воспроизводимым им капиталом, где и труд становится всего лишь средством для поддержания своего существования. В современном постиндустриальном обществе происходит застой развития личности, духовная деградация буржуазного общества способствует тому, что людей в массе своей влечет в первую очередь в индустрию развлечений, не требующей серьезного духовного прогресса.

Проблему отчуждения в материалистическом подходе К. Маркса можно охарактеризовать как проблему потери человеком самого себя, своей идентичности. Это потеря контроля над процессом и результатами деятельности, уничтожение социальных взаимосвязей между людьми, изменение самой сущности природы человека. Появление новых технологий и средств деятельности расширяет границы возможностей человеческого общества, тем самым у человека изменяется привычный тип социального бытия в условиях быстро меняющейся реальности. В таких условиях претерпевает изменение и отношение людей к обществу, человеку, самому себе. Все это приводит к изменению индивидуального самосознания личности, поэтому от необходимости разрешения проблемы, связанной с феноменом отчуждения, зависит будущее всего человеческого общества.

Библиографический список

1. Кондрашов П.Н. Карл Маркс о родовой сущности человека // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 22-48.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / Маркс К. Сочинения: в 39 т. М: Госполитиздат, 1955. Т. 3. 629 с.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41–174.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 699 с.
5. Пантин И.В. Феномен отчуждения в философии Гегеля // Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии: материалы X Всероссийской (национальной) научно-практической конференции / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2022. С. 44–46.

ФЕНОМЕН АМОРАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

THE PHENOMENON OF IMMORALITY IN THE MODERN WORLD

Я.В. Кубасова

Ya.V. Kubasova

Научный руководитель И.Н. Круглова

Scientific advisor I.N. Kruglova

Мораль, аморальное, гуманизм, новые нормы.

В статье автор рассуждает о соотношении понятий «мораль» и «аморальное», делая основной упор не на исторический аспект данных понятий, а на примеры их проявления в современной культуре мира: кино, книги, коммуникационная сеть Интернет.

Morality, immoral, humanism, new norms.

In the article, the author discusses the relationship between the concepts of “morality” and “immoral”, focusing not on the historical aspect of these concepts, but on examples of their manifestation in the modern culture of the world: cinema, books, the Internet communication network.

История формирования понятия «мораль» довольно обширна. Здесь можно упомянуть индийские представления этической проблематики, где спасение души всецело зависит от избавления от пут кармы и сансары, а «ахимса» (непричинение вреда всему живому) является одним из ключевых принципов джайнистов. Китайские этические категории «жэнь» (человеколюбие), «шу» (взаимность), «чжун-юнь» («золотая середина») помогают человеку обрести свой «путь». Античная этика неразрывно связана с именем Протагора, который провозгласил: «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Однако «отцом» античной этики по праву можно считать Сократа. Мораль для него является фундаментом достойной жизни. Сократ указывал – только через нравственную деятельность, личность можно реализовать. Нравственная чистота души, человек как самоцель – вот что должно составлять смысл жизни.

Безусловно, мораль регулирует поведение человека, затрагивая все сферы деятельности, но это не единственный регулятор, есть еще правовые нормы, организационные уставы, инструкции, указания и пр. Так или иначе, все это регулирует отношения между людьми в разных сферах, но не ведет к самореализации и ощущению счастья. Эти тонкие материи доступны внеинституциональной сфере человеческого бытия, раскрывающейся в рамках этико-философского дискурса.

Там, где начинают размываться понятия добра и зла, возникает аморализм. Существует несколько вариаций определения аморального. Первый вариант – отсутствие морали вообще. С этой точки зрения аморальными могут быть младенец, собака, дерево, и только по той причине, что они не знакомы с моральными

нормами. Второй вариант – «аморальное» как «безнравственное», то есть знание о моральных нормах есть, но человек намеренно их нарушает. Нас интересует второй вариант. Аморализм – это не только циничная форма существования личности, где цель оправдывает методы ее достижения, но и попытка упразднить принцип нравственности, косвенно или прямо объявляя человеколюбие, семейные ценности, уважение к личности предрассудками. Приводимые ниже примеры ярко отображают аморальную сторону современного общества, речь идет не только о России, но и о мире в целом.

1. Цифровые «притоны» в Японии [1]. Искусственный интеллект можно использовать по-разному: во благо или же так, как это делают некоторые японские сайты. В префектуре Осака на сайте Ит-компании были размещены сексуальные изображения детей, предположительно созданные искусственным интеллектом. На сайте ежемесячно публикуется около 3 тысяч подобных изображений, посещаемость сайта около 2 миллионов человек в месяц. Отличить настоящее фото от созданного с помощью ИИ изображения очень сложно. Законодательно эта сфера регулирует только изображения детской порнографии, производство и публикацию подобных изображений с реально существующими детьми, но это не касается искусственного интеллекта, поэтому сайт продолжает работать.

2. «Треш-стримы». Явление относительно новое, возникшее в 2010-х гг. в странах СНГ и довольно быстро приобретшее популярность в определенных слоях общества. Само по себе явление не уникально, в истории мы знаем примеры не менее аморальные: публичные казни, цирки уродов и т.п. «Треш-стрим» – это прямая видеотрансляция, в ходе которой стример причиняет увечья себе, находящимся рядом, иногда это делается за «донат» (денежное пожертвование) от публики, иными словами, зритель может «заказать» любое унижительное действие от стримера. Есть примеры, когда во время подобной трансляции умер человек. Произошел смертельный инцидент в декабре 2020 г., во время трансляции у блогера Станислава Решетняка погибла девушка, которую он выгнал на мороз, продолжая транслировать все происходящее. Изувера осудили на 6 лет колонии строгого режима, но подобное наказание скорее исключение. До недавнего времени не было юридических оснований прекратить подобные трансляции, но 6 декабря 2023 г. в Государственную Думу был внесен на рассмотрение законопроект, ужесточающий наказание за подобные трансляции [2].

3. «Плотская» мода. И речь сейчас пойдет не о зверствах «фрау Абажур» – Ильзы Кох, ставшую позором своей нации, а о вполне современных модных тенденциях, пользующихся определенной популярностью. Например, дизайнер Никола Константино создает обувь и аксессуары имитирующие человеческую кожу; Оливье Гулет создает свои изделия из синтетического материала, который также имитирует человеческую кожу; Gucci на своем показе в 2018 г. предоставил на обозрение публике очень специфичные аксессуары, сумки в виде человеческих голов. По словам главного дизайнера Александро Микеле, – «каждый из нас – доктор Франкенштейн своей жизни, и есть совершенная клиническая ясность на

счет того, что я делаю. И я хотел показать лабораторию, которая в моей голове» [3]. А бренд «Jessica Harrison» создал коллекцию мебели в виде умерщвленной плоти человека и ее частей.

4. Аморальное в кинематографе. Как известно, через массовое кино до людей довольно просто доносить некоторые идеи. Этим часто пользуются провластные структуры. Из современного кино мы знаем, что армия США всегда спасет от Армагедона, в Корее есть проблемы с криминальными элементами, а в Европе любят порассуждать о кризисе самоидентификации. Но есть такие жанры, которые ужасают, однако все равно находят свою целевую аудиторию. Это всевозможные хорроры, слэшеры, сплеттеры, джалло. Ярким примером подобного можно считать фильм режиссера Руджеро Деодато «Ад каннибалов» (1980). Из-за жестоких сцен фильм был долгое время под запретом, в Италии 3 года, а в Норвегии его разрешили к показу только в 2003 г., но все-таки разрешили. Выходит, нравы современного человека меняются, и подобное искусство становится приемлемым.

Безусловно, на этом список не заканчивается, подобную тематику сейчас можно прочесть в книгах, увидеть на ТВ, сцены военных действий можно наблюдать в режиме онлайн, компьютерные (на приставках и пр.) игры обеляют образ дьявола (зла), сексуализируют его, делают привлекательным для человека. Аморальное настолько вхоже в жизнь человека, что сегодня с определенной долей уверенности можно сказать – оно становится новой нормой.

Библиографический список

1. The Japan news: [сайт]. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/society/general-news/20231112-149161/> (дата обращения: 25.11.2023).
2. Государственная дума: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506241-8#> (дата обращения: 25.11.2023).
3. Ярмарка мастеров [сайт]. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/2765415-sumki-golovy-drakony-zmei-vse-eto-pro-pokaz-gucci-2018> (дата обращения: 25.11.2023).

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ

SOCIAL SPACE AND HUMAN EXPLORATION OF IT

В.В. Анцупова

V.V. Antsupova

Научный руководитель Н.И. Мартишина
Scientific advisor N.I. Martishina

Социальное пространство, человек, общество, капитал.

Статья посвящена изучению социального пространства, представляющего собой среду для взаимодействия, общения и самоопределения в обществе. Особое внимание уделяется процессу освоения социального пространства человеком через социализацию и путем участия в жизни общества. Понятие социального пространства рассматривается в соответствии с концепцией Пьера Бурдьё.

Social space, person, society, capital.

The article is devoted to the study of social space, which is an environment for interaction, communication and self-determination in society. Particular attention is paid to the process of mastering social space by a person through socialisation, through participation in the life of society. The article considers the concept of social space from the point of view of Pierre Bourdieu.

Социальное пространство является ключевым аспектом человеческого бытия. В самом общем виде его можно представить как среду, в которой люди взаимодействуют, общаются, ищут себя и свое место и тем самым осваивают окружающий мир, как совокупность взаимосвязей, возникающих в социальном мире.

В процессе освоения социального пространства человек вступает в различные социальные группы, начиная с семьи, группы детского сада, школьного класса, а затем попадает в вузовское и профессиональное сообщество, участвует в общественной деятельности, осознавая себя как часть этноса, нации, страны. Социальные институты помогают человеку формировать его идентичность, «подключая» его к определенным системам ценностей, убеждениям, моделям поведения. Таким образом, в социальном пространстве можно выделить этическую составляющую: частью его структуры являются моральные нормы, определяющие для личности возможные траектории ее действий.

Освоение социального пространства составляет, таким образом, основное содержание процесса социализации. Социализация – это включение индивидов в жизнь общества, в результате которого они приобретают навыки, знания и поведенческие модели, необходимые в дальнейшем для успешного взаимодействия с окружающими людьми. С раннего детства и до глубокой старости индивид учится адаптироваться к требованиям и ожиданиям общества, принимать его нормы,

активно участвовать в его жизни и тем самым находиться внутри социального пространства.

Освоение социального пространства также тесно связано с самоопределением человека как личности. Личность – это уникальная сущность, которая формируется под воздействием социальной среды и обладает определенными чертами темперамента, ценностями, увлечениями и самосознанием. Именно через построение социальных отношений с окружающими людьми личность приобретает и развивает все эти характеристики. При этом данный процесс не ограничивается принятием норм и ценностей общества, а является «достройкой» социального пространства личностью, через самовыражение и самореализацию. Человек, проявляя свои таланты, интересы и потребности, вообще реализуя свой потенциал, «обустраивает» свое место в мире и вносит новое в конфигурацию социального пространства.

Социальное пространство в своей основе может быть определено также как коммуникативное. Система социальной коммуникации позволяет индивидам взаимодействовать между собой и обмениваться информацией, идеями, мыслями и эмоциями, пронизывая социальное пространство все новыми связями и поддерживая его целостность.

Итак, социальное пространство является сложным миром взаимоотношений и влияний, определяющим развитие культуры человечества. Важным фактором в данном процессе выступает социальное время, которое несет в себе потенциал изменения и универсализации данного пространства. «Именно социальное время несет в себе творческий потенциал трансформации этого пространства, его онтологической универсализации» [1, с. 159].

Понятие «социальное пространство» было подробно рассмотрено в концепции французского философа и социолога Пьера Бурдьё.

Пьер Бурдьё определяет «социальное пространство» как форму, выражающую взаимосвязи и координацию между состояниями исследуемых объектов. Содержание этой формы обусловлено социальными явлениями и процессами. Бурдьё утверждал, что не существует абсолютного социального пространства, выделяемого независимо от реальности; социальное пространство представляет собой структуру позиций, обеспечивающую взаимосвязи в социальном действии и являющуюся необходимой основой социологического познания.

Главной характеристикой социальных отношений, по Бурдьё, выступает их роль в формировании практик, представлений и взаимодействий между агентами. На уровне социальных явлений социальные отношения обнаруживают себя в распределении условий социального действия или как основа для практик. Пьер Бурдьё описывал социальный мир, изучаемый социологией, как пространство, созданное на основе принципов распределения активных свойств индивидуальных и коллективных агентов. Среди этих свойств особо значимы те, что придают агентам силу и власть, которая может быть понята как способность достигать определенных результатов.

С этим связана следующая характеристика социального пространства у П. Бурдьё: это «поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [2, с. 554].

Понятие социального пространства в теории Бурдьё также связано с идеей выделения в нем различных областей. Он утверждал, что социальное пространство неоднородно и состоит из зон, в которых реализуются разные виды социальных отношений между людьми, причем эти отношения связаны и зоны накладываются. Бурдьё подчеркивал, что позиция человека в социальном пространстве зависит от его культурного капитала, социального капитала и экономического капитала. Культурный капитал включает знания, навыки и образование, которые человек усваивает в процессе социализации. Социальный капитал относится к социальным связям, сетям и структурам, которые влияют на возможности человека в обществе. Экономический капитал связан с материальными ресурсами и богатством [2, с. 558].

Таким образом, социальное пространство представляет собой структурированную совокупность социальных отношений, ценностей и норм социального взаимодействия. Оно формируется и поддерживается через практики и представления, передаваемые из поколения к поколению. Необходимой частью его являются нравственные нормы и ценности.

Библиографический список

1. Попов В.В., Таранова В.А. Социальное время и социальный процесс: концептуально-семантические аспекты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 5. С. 158–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-vremya-i-sotsialnyy-protsess-kontseptualno-semanticheskie-aspekty> (дата обращения: 12.11.2023).
2. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

ФОРМАЛЬНАЯ ЭТИКА ГЕНСЛЕРА И ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО НРАВСТВЕННОСТИ

GENSLER'S FORMAL ETHICS AND THE GOLDEN RULE OF MORALITY

В.В. Шпак

V.V. Shpak

Научный руководитель В.И. Кудашов
Scientific advisor V.I. Kudashov

Формальная этика, золотое правило, моральное рассуждение, моральные принципы, метаэтика.

Формальная этика Г. Генслера рассматривается в качестве проекта развития этического знания, реализованного в русле взаимодействия этики и логики. Характеризуется способ анализа и осмысления этической значимости и практической реализуемости золотого правила нравственности, развиваемый Генслером.

Formal ethics, golden rule, moral reasoning, moral principles, metaethics.

The author considers H. Gensler's formal ethics as a project for the development of ethical knowledge, implemented in line with the interaction of ethics and logic. Also the article contains an overview of Gensler's method of analysis and comprehension of the ethical significance and practical feasibility of the "Golden Rule".

Развитие современной формальной философии, т.е. сферы философских исследований, привлекающей с целью моделирования, представления, осмысления типично философских проблем формальные инструменты – языки, исчисления и т.д., сопряжено с постановкой вопроса о соотношении соответствующих формальных дисциплин и отраслей философского знания, инкорпорирующих их теоретические и методологические положения. В решении данного вопроса применительно к этике, которая также актуально претерпевает действие тенденций формализации, присутствуют различные точки зрения: так, некоторые авторы с помощью пространной спекуляции «подчиняют» логику этике [1], другие выделяют логические аспекты в исследовании ценностей, концептуализируя нормы и оценки как самостоятельные предметы научного исследования, при работе с которыми использование формальных инструментов дает высокие результаты [2, с. 6–8].

Встречаются и позиции, предполагающие существования нескольких путей взаимодействия и взаимовлияния логики и этики: так, В.О. Лобовиков указывает на то, что возможна как ситуация, при которой достижения логики используются для развития этики («логическая этика» [3, с. 6]), так и ситуация, когда логика рассматривается как «частный случай» этики, если под этикой мы подразумеваем универсальную отрасль знания, обращенную к нормам и регулятивам

(«этическая логика» [3, с. 7]). Следуя условной классификации, предложенной В.О. Лобовиковым, можно отнести современные опыты формализации этического знания к случаям «логической этики».

Одним из небезынттересных примеров такой формализации является так называемая «формальная этика» Г. Генслера. Этот проект формализации этики основан на применении средств логики предикатов, деонтической логики для представления формальных характеристик этических суждений. Генслер отличает формально-этические принципы от «материальных» этических принципов, на которых фокусируется нормативная этика, и, таким образом, делит всю область философской этики на три раздела: нормативную этику (изучение «материальных» принципов), метаэтику (изучение смысла и путей обоснования этических суждений) и собственно формальную этику [4, р. 10]. Что для Генслера представляет собой формально-этический принцип? Отказываясь от более широкого толкования таких принципов, как методологические предписания для действия (приводит пример с принципом фактической информированности), он рассматривает их как такие этические принципы, которые формулируются только с использованием констант и переменных, где константы могут включать термины логического порядка и термины, выражающие общие психологические установки (например, «убеждение», «желание»), а также иные абстрактные понятия («долженствование», «цель»). Формальным принципам Генслер отводит особую роль в этическом мышлении, поскольку они выполняют функцию внутренних регулятивов согласованности, способствуют систематизации непосредственно нормативных этических положений.

Принципиальной основой своего проекта формальной этики Генслер считает золотое правило нравственности (исследователем истории которого он также является [5]). Отказываясь от «обыденной» формулировки золотого правила («если вы хотите, чтобы А совершал X по отношению к вам, совершайте X по отношению к А» [4, р. 12]), Генслер предлагает так называемую теорему золотого правила (GR-теорему), основанную на аксиомах (или ключевых принципах формальной этики – логичности в смысле согласованности, осознанности, беспристрастности) формальной этики: «не совмещайте действие с целью совершения некоего X по отношению к А с несогласием на то, что X будет совершено по отношению к вам в аналогичной ситуации» [4, р. 86]. Доказательство имеет следующий вид: дано действие X по отношению к А, исходя из P1 («совершение X с учетом аксиомы P несовместимо с утверждением о том, что совершение X неприемлемо для вас по отношению к вам»), получаем: «для вас будет совершенно нормально совершить X по отношению к А», исходя из U2 («если для вас совершенно нормальным является совершение X по отношению к А, то для вас и совершенно нормальным являлось бы совершение X по отношению к вам в аналогичной ситуации»), получаем: «в аналогичной ситуации для вас было бы совершенно нормальным совершение X по отношению к вам», исходя из P («если совершение X совершенно нормально для вас, то вы можете сделать X»), получаем: «в аналогичной ситуации X может быть совершено по отношению к вам».

Адекватное применение золотого правила, по мнению Генслера, требует активного использования знаний и воображения для того, чтобы осознавать последствия наших действий для других участников взаимодействия и четко представлять себя на месте другого, претерпевающего эти последствия. Золотое правило, понятое таким образом, рассматривается как мощный инструмент этического мышления [4, р. 87]. В этом смысле этический проект Генслера вписан в многовековую историю этической мысли (признанной является древность золотого правила, первый случай употребления самого наименования «золотое правило» относится Генслером к нач. XVII в. [5, р. 84]) с точки зрения использования золотого правила как фундаментального принципа.

В чем же состоит новшество Генслера, полученное путем формального анализа золотого правила? Во-первых, этот анализ позволяет выявить некорректность ряда формулировок золотого правила, производящих впечатление корректности в ряде контекстов. Так, «обыденная» формулировка (Генслер обозначает G1a) кажется вполне корректной при рассмотрении такого применения: «если вы хотите, чтобы N был добр к вам, то вы должны относиться к нему точно так же». Однако абсурдность формулировки становится ясной при применении к взаимоотношениям врача и пациента (просто вариант специфического примера): «если вы хотите, чтобы врач осуществил вам операцию, то вы должны сами ее ему осуществить» [4, р. 89]. Генслер показывает, что использование золотого правила начинает приводить к абсурдным следствиям во всех случаях, когда не учитывается несколько предварительных уточнений, которые должны сопровождать его применение: квалификация сходства ситуаций, актуальное отношение к предполагаемой ситуации и запрет на одновременное принятие несовместимых суждений.

Библиографический список

1. Егорычев И.Э. Логика, служанка этики... // *Studia Culturae*. 2011. № 13. С. 47–60.
2. Ивин А.А. Логика оценок и норм. М.: Проспект, 2016. 320 с.
3. Лобовиков В.О. Этика и логика (Этическая логика и логическая этика – взаимодополняющие научные направления) // *Этическая мысль*. 2019. № 6. С. 3–26.
4. Gensler H. *Formal Ethics*. London, New York: Routledge, 1996. 222 p.
5. Gensler H. *Ethics and the Golden Rule*. London, New York: Routledge, 2013. 256 p.

Раздел 2.
ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

МЕЖДУ ЭПИСТЕМОЛОГИЕЙ И ЭТИКОЙ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ

BETWEEN EPISTEMOLOGY AND ETHICS: EPISTEMIC VIRTUES AS A SUBJECT OF RESEARCH

Н.И. Мартишина

N.I. Martishina

Эпистемические добродетели, этика науки, эпистемология.

Определены предпосылки ренессанса этической проблематики в эпистемологии. Понятие эпистемической добродетели охарактеризовано как возникающее на стыке философии познания и аксиологии. Обозначены сложившиеся направления исследования проблемы эпистемических добродетелей.

Epistemic virtues, ethics of science, epistemology.

The article contains an explanation of the prerequisites for the renaissance of ethical issues in epistemology. The author gives a description of the concept of epistemic virtue as arising at the intersection of philosophy of knowledge and axiology. The established directions of research into the problem of epistemic virtues are outlined.

Ренессанс в современной эпистемологии аксиологической и этической проблематики, которая представителям классической науки видится надежно преодоленной утверждением рационалистической, объективистской логики (о «разрыве с миром ценностей» А. Койре говорит как об одном из важнейших компонентов научной революции Нового времени), по-видимому, имеет объективную детерминацию. Экспоненциальный рост объемов научных исследований привел к кризису традиционных механизмов обеспечения надежности результатов науки – систематической перепроверки эмпирических данных в воспроизводящихся экспериментах, взаимного реферирования научных публикаций, прямых коммуникаций между исследователями, работающими в одном тематическом поле. Между тем потребность общества в реальных научных разработках, действительно объясняющих реальные процессы и обеспечивающих решение социальных проблем, также возрастает. В складывающейся ситуации обнаруживается принципиальная неполнота любых внешних форм контроля по отношению к качеству научной деятельности, конечным гарантом которого может служить только осознанный и принятый личностью уровень ответственности за него. Совершенно точно, что «в глобализирующемся мире наука как единый комплекс исследований, производства и управления нуждается в субъектах с высоким уровнем ответственности» [1, с. 149]. Развитие науки в ее современной форме как коллективной познавательной деятельности приводит также к некоторым изменениям в адресации такой ответственности: проблематика социальной

ответственности научного сообщества за последствия использования достижений науки и особой этической нагруженности отдельных научных областей (таких, как крионика или эмбриология) дополняется возрастанием значимости вопросов ответственности ученого перед дисциплинарным научным сообществом, школой, исследовательской группой за выбор тематики и исследовательской программы, за качество полученных результатов как части общей работы и за адекватные формы их представления, за следование нормам публикационной активности и выбор средств достижения рейтинговых показателей, за соответствующее «духу науки» построение взаимодействия и взаимоотношений с коллегами и т.д.

В результате в философскую теорию познания и науковедение не просто возвращается аксиологическое и этическое осмысление научной деятельности (выступая, в свою очередь, как преодоление позитивистской парадигмы [2]) – становится очевидным, что граница между логико-методологической и аксиологической нормативностью научной деятельности может быть проведена лишь условно и без аксиологической поддержки никакие методологические установления не будут исчерпывающими ее регулятивами. Утверждая, что «методологические каноны часто представляют собой как технические приемы, так и моральные принуждения» [3, с. 768], Р. Мертон подчеркивает: «Нравы науки имеют методологическое рациональное оправдание, однако обязывающими они являются не только в силу своей процедурной эффективности, но и потому, что считаются правильными и хорошими» [3, с. 770]. В тематическом поле этого направления взаимодействия традиционной эпистемологии и этики формируется (и начинает выступать одной из его кульминационных точек) концепт эпистемической добродетели.

В современной эпистемологии сложилось два основных подхода к исследованию эпистемических добродетелей. В самом общем виде это качества познающего субъекта, которые делают получаемое и представляемое им знание «правильным и хорошим». В более простом варианте (релейбилизм) это прежде всего естественные познавательные способности: хорошее зрение, хороший слух, хорошая память; возможно включение в этот круг также, например, интеллектуальной интуиции, «хороших рук», обеспечивающих искусство экспериментатора, и т.п. С точки зрения альтернативного подхода (респонсибилизм) эпистемические добродетели – это такие качества, как общая любознательность, любовь к истине, гибкость мышления и открытость новым идеям, способность воспринимать аргументы и критику, «интеллектуальное мужество, интеллектуальное смирение» [4, с. 10] и т.д., т.е. не те данные, которыми человек обладает от природы, а те свойства интеллектуального характера, которые он осознанно вырабатывает и реализует на основе определенной системы ценностных ориентиров. «Эпистемические добродетели обладают в первую очередь нормативной силой, побуждают направлять познание к моральным целям и являются эпистемическими ценностями» [2, с. 11]. Оба этих уровня эпистемических добродетелей функционально являются

основаниями для обеспечения достоверности знания и возможности его принятия в этом качестве другими участниками совокупного познавательного процесса. В результате в реальных условиях современной науки допущение о том, что наши коллеги обладают необходимыми эпистемическими добродетелями, оказывается одним из граничных условий самой возможности внутринаучного взаимодействия, которое без возможности хотя бы частично полагаться на идеи и результаты друг друга в принципе не может быть эффективным.

Библиографический список

1. Викторук Е.В. Этика науки: практико-прикладной модус // Высшее образование в России. 2013. № 8–9. С. 149–155.
2. Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 4. С. 6–19.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
4. Каримов А.Р. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 6–21.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ECONOMIC ETHICS: FORMATION AND PROSPECTS

А.Г. Китариогло

A.G. Kitarioglo

Этика в экономике, кризис цивилизации, история.

В статье представлен краткий обзор некоторых вопросов, связанных с проблемой соотношения и взаимовлияния этического сознания на деятельность экономического субъекта. Проанализированы точки зрения экспертов об актуальности данной проблематики. Сделан вывод о необходимости более пристального внимания к ней со стороны научного сообщества.

Ethics in economics, crisis of civilization, history.

The article presents a brief overview of some issues related to the problem of the relationship and reciprocal influence of ethical consciousness on the activities of an economic entity. It comprises the analysis of some experts' positions on the relevance of this issue and the need for closer attention to it from the scientific community.

Этическое измерение присутствует во всей деятельности человека, ибо имманентно его природе. Однако этот, казалось бы, очевидный факт далеко не всегда находил отражение в научном дискурсе, точнее, степень его значимости и мотивационный потенциал не оставались инвариантными на протяжении последних двадцати пяти столетий.

Одна из динамических классификаций генезиса феномена экономической этики подразделяет ее историческое развитие на три основных этапа. Первый – с древнейших времен до появления научной экономики, когда этика была вполне органичной частью последней и логично в нее вписывалась. В качестве классических примеров этой эпохи можно упомянуть экономические воззрения Аристотеля (384–322 В.С.) и Фомы Аквинского (1225–1274), которые рассматривали экономические вопросы с опорой на этические принципы справедливости. Второй этап ознаменован вытеснением этики из научной экономической теории. В этой связи примерами могут послужить позиции Адама Смита (1723–1790) и Альфреда Маршала (1842–1924). Оба классика экономической науки профессионально изучали вопросы этики. Хотя некоторые исследователи и полагают, что некритическое противопоставление позитивной и нормативной экономической теории явилось формальной причиной размежевания этики и экономики в силу того, что первая не оперирует ценностями и поэтому чужда этике, однако, «нужно понимать, что вся экономическая наука носит ценностный, аксиологический характер» [1]. Таким образом, нет достаточных оснований для того, чтобы говорить об отчуждении экономической науки от этики. Третий этап – новое время до наших дней. «Причиной возвращения интереса экономистов к этике стали многочисленные экономические проблемы, среди которых была коррупция и необузданное обогащение элиты.

Однако исследователи в этот раз больше не полагались на положения метафизической этики. Их целью было стремление развить этику на собственной экономической базе. Как результат, этика по отношению к экономике завоевывает внутренний, или, иными словами, эндогенный, характер» [Там же].

В последнее время все чаще исследователями из различных направлений научного знания предпринимаются попытки проанализировать и осмыслить взаимовлияние этики и экономики. Уже не первое десятилетие мировое сообщество обеспокоено тем, что пошатнулись и находятся в точке бифуркации самые основы философской самоидентичности, векторы экономического и культурного развития современной человеческой цивилизации. Представители интеллигенции из разных профессиональных сообществ, от фундаментальной науки до руководителей управленческого звена в промышленности, отмечают ощутимый и, к сожалению, прогрессирующий упадок нравственного и интеллектуального уровня основной массы населения развитых стран. Наряду с этим все чаще можно слышать рассуждения о неизбежном и закономерном отмирании общемировой капиталистической системы хозяйствования и грядущем ей на смену новом экономическом укладе. Некоторые аналитики прямо утверждают, что «нынешний мировой финансово-экономический кризис – это кризис человеческой этики и морали» [2]. В качестве иллюстрации уместным будет привести позицию одного из современных политических лидеров – президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, – которую он озвучил в этом году в своем выступлении на Всемирном саммите по борьбе с изменением климата в Дубае. Он вполне дипломатично, но вместе с тем с достаточной степенью определенности укорил стейк-холдеров глобальной экологической повестки в неискренности и непоследовательности, дав понять, что декларируемая ими на словах обеспокоенность судьбой нашей планеты и грядущих поколений по какому-то странному недоразумению является ошибкой расстановки приоритетов. Президент Лукашенко предложил свой ответ на вопрос о проблематичности с поиском финансирования для ее реализации, указав на то, что необходимые средства можно было бы легко и в достаточном объеме найти, элиминировав многочисленные современные военные конфликты, уничтожающие человеческий и финансовый капитал в масштабе всего мира [3].

Еще одной иллюстрацией рассмотрения влияния этических факторов на экономические явления может стать казуальный анализ института заработной платы. Здесь мы имеем дело с классической трихотомией ее оценки: она по отношению к степени трудового участия и извлеченной от реализации на рынке продукта прибыли может быть несправедливой – либо завышенной, либо заниженной – или справедливой – адекватной; а по отношению к заработным платам в отрасли, профессии, в стране – высокой, низкой или медианной.

Если начать рассмотрение с уровня политики определения заработной платы работодателем, то на вышеупомянутую классическую трихотомию как со стороны работодателя, так и со стороны работника оказывают влияние следующие факторы: «Она может быть результатом жадности, ненависти, исключительности (самолюбования), хвастовства или доброты, любви, снисходительности,

восприятия чужой боли как своей и др.» [4, с. 84]. Эти же этические мотивы действуют и со стороны работника, определяя вектор его влияния на величину его заработной платы. Он может относиться к исполнению своих служебных обязанностей безответственно, халатно, равнодушно или ответственно: с чувством долга и сопричастности.

Можно зафиксировать, таким образом, что золотое правило нравственности действует в отношениях работодатель – работник по зеркальному принципу, когда отношение одного передается другому и «отрицательные чувства и эмоции предпринимателя вызывают соответствующие чувства и эмоции наемного работника, положительные чувства и эмоции предпринимателя, в свою очередь, вызывают аналогичные чувства и эмоции работника. Все вышеперечисленные чувства и эмоции, безусловно, сказываются на продуктивности труда» [Там же].

При низкой заработной плате работник может стремиться беречь свои силы, не отдаваться работе полностью, не трудиться на пределе своих возможностей, при высокой заработной плате – может стремиться к результативному труду, беззаветному служению порученному делу, качественно выполнять должностные обязанности.

Из-за недостатка глубины этического осмысления современных глобальных тенденций развития человечества мы рискуем пропустить точку невозврата и, движимые благими помыслами улучшения нашего жизнеустройства, можем оказаться в состоянии порабощения и саморазрушения собственными ложными или непропорционально гипертрофированными пристрастиями и устремлениями, можем «вовремя не заметить мутацию свободы в рабство» [5, с. 55].

Таким образом, исходя из анализа ретроспективы и современных тенденций в области рассмотрения деятельности человека на стыке этики и экономики, можно констатировать повышение уровня значимости этической проблематики как в глобальном, так и в национальном экономическом дискурсе [6].

Библиографический список

1. Справочник по философии. Раздел: Экономическая этика. Виды экономической этики. URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/filosofija/ekonomicheskaja-etika-vidy-ekonomicheskoy-etiki> (дата обращения: 25.11.2023).
2. Рогожкин Иван. Аналитический портал. URL: <https://elitetrader.ru/index.php?newsid=181036> (дата обращения: 25.11.2023).
3. Лукашенко А.Г. Выступление на Всемирном саммите по борьбе с изменением климата в Дубае в декабре 2023 года. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H0Kp342vpnk>
4. Курегян С.В. Экономическая теория и вопросы этики // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. Минск, 2022. Вып. 16. С. 79–87. URL: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2022-16-79-87>
5. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // НИР. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60. DOI: 10.12737
6. Гордова Э.Е. Экономическая этика: прикладной и профессиональный характер // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-etika-prikladnoy-i-professionalnyy-harakter> (дата обращения: 25.11.2023).

МЕСТО КОГНИТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

THE PLACE OF COGNITIVE VALUES IN THE VALUES SYSTEM

А.Н. Козловская

A.N. Kozlovskaya

Научный руководитель В.В. Минеев
Scientific advisor V.V. Mineyev

Ценности, аксиология, познание.

В статье обоснована необходимость усиления ориентации на когнитивные нематериальные ценности в современном обществе. Познавательная деятельность представлена как потребность и смысл человеческого существования. Автор исходит из положения о том, что мир ценностей объективен и обусловлен самой природой человека.

Values, axiology, cognition.

The article substantiates the need to strengthen the focus on cognitive intangible values in modern society. Cognitive activity is presented as the need and the meaning of human existence. The author proceeds from the premise that the world of values is objective and determined by human nature itself.

В современную эпоху возрастает роль нематериальных ценностей. Ориентация на определенные ценности влияет на формирование личности, профессиональные качества, выбор цели. А целеполагающая деятельность направлена на преобразование мира. Пожалуй, именно ценности составляют ядро мировоззрения и на индивидуально-личностном, и на коллективно-социальном уровне. Если последовательно придерживаться принципов гносеоцентризма, то именно в потребности и способности познавать мир и преобразовывать природу в соответствии с результатами познания, а не в чем-либо ином следует усматривать проявления духовности.

Ноднозначностью и сложностью концепта «ценность» обусловлена необходимость междисциплинарного подхода, обращения к философии, психологии, антропологии, экономики и другим гуманитарным наукам. Феномен ценности по-разному раскрывается в рамках разных теорий. Аксиология, являясь философской дисциплиной, исследует категорию ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, изучает природу ценностей, их иерархию. Г. Риккерт определяет это так: «Философия как учение о ценностях дает нам знание о нашем жизневоззрении, освещая перед нами совокупность ценностей, из-за которых дорога жизнь».

Анализируя природу ценностей, мы сразу сталкиваемся с понятиями субъективного и объективного. И. Кант определяет ценности как цели, соотносит объективные и субъективные цели с относительными и абсолютными ценностями.

Объективные цели – это «предметы, существование которых само по себе есть цель, и эта цель не может быть заменена никакой другой целью, для которой они должны были бы служить только средством» [1]. Такие цели наделяют объект «абсолютной ценностью». Ценности определяются не объективностью природных вещей, они обусловлены объективной целью человеческого существования. Спорить с этим, конечно, трудно. Но не следует забывать и о том, что сами-то цели нашего существования все же укоренены в природных условиях нашего бытия. Правда, в этом случае мы оказываемся уже за пределами кантовского учения.

Становление аксиологии как самостоятельной философской дисциплины связано с работами Рудольфа Германа Лотце. Он пишет: «Несомненно, менее ценно то, что отвечает только минутному и случайному состоянию или какой-нибудь индивидуальной особенности души, на которую оно производит впечатление; более ценно то, что гармонирует с общими и нормальными чертами организации, через которую дух делается свободным к выполнению своего предназначения; наивысшая же ценность может принадлежать только тому, что приятно постоянному настроению такой идеальной души. Во внутренних состояниях которой нет и следа какого-либо отклонения от ее развития; выше этого нет решительно ничего» [2]. Не отрицая объективность ценностей, Г. Лотце указывает на то, что ценности могут воздействовать на человека по-разному. Не углубляясь в анализ развития аксиологии, мы акцентируем то обстоятельство, что мир ценностей объективен и обусловлен самой природой человека.

Актуальность исследования положения когнитивных ценностей в системе ценностей обусловлена «патогенной» природой современного человека, необходимостью сохранения природы и человека как ее части. «Впервые в истории физическое сохранение человечества ставится в зависимость от радикальных изменений человеческой души» [3]. Новое отношение к окружающей среде, возникновение новой этики возможно только при наличии серьезных изменений в ценностных позициях, осознании роли ценностей в поведении и деятельности современного человека. М. Шелер говорит, что ценности – это феномены объективные, их нельзя создать или уничтожить, но можно обнаружить в процессе познания [4].

Ценность знания и познания как когнитивная ценность часто сводится к представлению о целях и результатах. Направленность на результат доминирует над самим процессом познания. «Знать не означает “обладать истиной”, а означает, критически мысля, активно стремиться, проникать в глубь явлений, постепенно приближаясь к истине» [3]. В современном мире люди не стремятся познать жизнь, проникая в ее глубинные смыслы, они не руководствуются истинами, полученными в «процессе» познающего жизнь субъекта, а принимают результаты, полученные из социального окружения и стремятся их преумножить. Так фокус смещается с объективных ценностей на субъективные. А. Маслоу утверждает, что желание знать и понимать носит побудительный

характер и является базовой потребностью. Для проживания человеком жизни в «модусе бытия» ему необходимо видеть истинную картину мира, которая формируется в сознании через познание.

Современное общество, имеющее качественные отличия от всех предшествующих исторических эпох, ставит перед исследователями задачу изучения новых ценностных ориентиров как индивидуального, так и общественного бытия, позволяющих понять динамику и направленность познавательной и преобразующей деятельности субъекта в мире объектов [5]. Поиск новых ценностей и отдаление от традиционной системы ценностей ведут нас к проблеме выбора будущего. Ценности в познании играют важную роль, они являются ориентиром для исследователя, помогают ему определить, чем стоит заниматься, а чем нет, какие открытия могут навредить окружающей среде, какие могут помочь сохранить природу. Очевидна необходимость исследования проблемы ценностей в научном познании, в методах и приемах получения нового знания и его практического применения. Трансформация системы ценностей выступает и ключевым фактором развития науки.

Библиографический список

1. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1965 Т. 4. 544 с.
2. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. М.: Республика, 1994. 464 с.
3. Фромм Э. Иметь или быть? // АСТ. 2023. 352 с.
4. А.С. Рындина. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2021. С. 590–609.
5. Л.В. Баева. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография. Астрахань, 2004. 275 с.

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ: ВЗГЛЯД ГЕРДА АХЕНБАХА

FEATURES OF PHILOSOPHICAL PRACTICE: THE VIEW OF GERD ACHENBACH

А.И. Мышковская

A.I. Myshkovskaya

Научный руководитель Е.Н. Викторук
Scientific adviser E.N. Viktoruk

Философская практика, философское консультирование, психотерапия, лайф-коучинг.

В статье представлен вариант философской практики как лайф-коучинга Г. Ахенбаха, реализуемого в формате философского консультирования. Описываются область и возможности применения данного варианта современной философской практики в решении смысловых проблем, рационализации и анализа окружающей действительности.

Philosophical practice, philosophical counseling, psychotherapy, life coaching.

The article presents a version of philosophical practice as life coaching by G. Achenbach, implemented in the format of philosophical consulting. The scope and possibilities of using this version of modern philosophical practice in solving problems of meaning in life, rationalization and analysis of the surrounding reality are described.

Польза философии не доказана, а вред от нее невозможен.

П.А. Ширинский-Шихматов

События, захватившие современную действительность, с новой остротой ставят довольно привычный, обыденный и академичный вопрос о роли и возможностях философии в современном мире. Несмотря на уже имеющийся и значительный опыт человечества сосуществования в условиях больших политик и экономик, очередной этап глобализации снова ставит мир на грань экзистенциального выбора.

Тезис о миссии философии, безусловно, подвергается опровержению и критике ученых, в аргументах которых философская рациональность разбивается о тотальную постмодерновую иррациональность, характеризующуюся неопределенностью, отсутствием стабильности, отражением характера социальных преобразований, неоднозначностью признаков формирующейся социальной реальности [1]. Современность диктует необходимость «встраивания» Человека в постоянно меняющуюся повседневность, соответствия череде сменяющихся друг друга трендов, легким и быстрым переменам в отношениях ценностной иерархии личности, в соотношении терминальных и инструментальных ценностей. Человек, живущий и действующий в условиях неопределенности, неспособный, в связи с нестабильностью внешних факторов, даже к краткосрочному планированию,

приходит к деструктивным личностным изменениям – апатичности, аморфности, маргинальности, кризисам идентичности, психологической истощенности [2]. Так, внутренние личностные кризисы, встречаясь с кризисами пространств политики, экономики, культуры, манифестируют (в психологическом значении «проявляют») визитные карточки текущего столетия – неврозы [3], лишь отдаляющие Человека от поиска ответов на вечные вопросы. Больше не нужен поиск рациональности, мир иррационален по своей сути и изменяется быстрее, чем философия успевает его упорядочить.

Проблемы и заботы, далекие от вечных и беспокоящие Человека, были описаны еще Сократом как «множество обстоятельств вокруг вещей», не стоящих затраченных усилий. Громкие, но второстепенные вопросы отводят Человека от того, что действительно имеет значение, и приводят к игре в одну и ту же пьесу, метко обозначенную Шекспиром как «много шума из ничего». Сократ, по мнению Цицерона, спустивший философию с небес и поселивший ее в городах, «заставлявший» людей задавать вопросы, которые их, собственно, и не беспокоили, тем самым наталкивал людей на мысли, которых *не было* или которых они *избегали, уклонялись, обходили стороной*, будто соблюдая меры предосторожности. Немецкий философ Роберт Шпеманн, спутник философской практики, полностью придерживается сократовской традиции, прямо заявляя, что основной задачей философии является не облегчение решения, а усложнение задачи. Больная душа выздоравливает не копанием в своих «жалких» конфликтах, а тем, что бросается в конфликты благородные, – объясняет данное положение Николас Гомес Давила, обнажая суть философской практики – направить людей к самому возникновению вопроса, тем самым запустив процесс освобождения банальной, бессмысленной, часто несущественной жизни от повседневности и суеты. Следовательно, философия всегда была саботажем – неудобной, утомительной, вмешивающейся в привычный жизненный распорядок. Но философия, которая бы больше не «мешала», не заслуживала бы внимания [4].

Анализ вышесказанного, обнажает проблему высокой психологической напряженности Человека в постоянно преобразовывающемся мире вкупе с отсутствием пространства для взгляда вовнутрь, поиска ответов на всегда актуальные философские вопросы: что волнует? Что важно на самом деле? Что в конечном итоге имеет решающее значение? Синергию, единство и общность психотерапии и практической философии как способы совладения с действительностью пропагандирует и популяризирует современный философ Герд Ахенбах, введший термин «философская практика» в 1981 г., основавший в 1982 г. «Общество философской практики» (с 1997 г. – «Международное общество философской практики») [5].

Так, философская практика в теории и практике Г. Ахенбаха представляется философским лайф-коучингом в формате философского консультирования, утверждая его альтернативой психотерапии. Данный формат работы подходит для тех, кто «не может справиться со своей жизнью», «застрял» в вопросах,

не способен ни к их решению, ни избавлению от них, подозревает о несоответствии реальности жизни собственным возможностям, для тех, кому недостаточно просто жить и просто выжить, кто стремится к отчету в своей жизни, к ясности относительно ее контуров, границ, направлений. Иными словами, для тех, кто хочет *понять* и *быть понятым*, кто ищет ответы на кантовский вопрос «Что мне делать?» и вопрос Монтеня «Что я на самом деле делаю?». Человек, решившийся на философскую практику, с точки зрения Г. Ахенбаха, страдает от разочарований, непредвиденных и неожиданных переживаний, конфронтации в коммуникации, переживает удары судьбы, неудачи, проблемы с life-balance и др. [6].

Как философ-практик способен помочь своему Guestю? Обычно ответ на такой вопрос лежит в плоскости используемого метода, но не для философской практики, работающей не методами, а над методами. Практика философствования в сопровождении философа-практика помогает направить мышление Guestя не по заранее установленным путям, но по направлению внешаблонного мышления, саботажа, сомнения. Это не значит направить Guestя на философски predetermined путь мышления, а помочь ему в движении по нему. Тот, кто приходит в философскую практику, не ищет философских наставлений, как больной не ходит к врачу за лекцией по медицине, не обучается философом философским теориям, а ждет мудрости и разумности философа-практика в роли единомышленника, способного к реализации и диалогу со страждущим для освобождения от одиночества, потерянности, побуждения к переоценке собственной жизни и ее обстоятельств. Таким образом, основой философской практики Г. Ахенбаха представляется не столько метод терапевтирования или философской теории (автор сознательно избегает термина «метод», как его избегал и Пол Фейерабенд), сколько сам философ-практик, его человеческие и личностные качества, опыт, способность к рефлексии своего и чужого опыта, что также объединяет практическую философию с психотерапевтической традицией, называющей личность психотерапевта основой конгруэнтности терапевтических отношений [7].

Личность философа и ее высокое значение, а также основание терапевтической культуры на предположении о происхождении человеческих страданий от нераспознанных сигналов бессознательного, вмешивающихся в повседневность и нарушающих спокойствие, приближает философскую практику Г. Ахенбаха к традициям психотерапии, но также обнажает их принципиальную разницу – где психотерапия углубляется в интимную историю Guestя, там философская практика предлагает пространство для путешествия, ставя ребром вопрос необходимости преодоления судьбы не инстинктивной, но концептуальной. На вопрос «почему мы не хозяева в своем доме?..» практическая философия во взглядах Г. Ахенбаха находит новый ответ – помимо фрейдовских духов «ID», бесконечной полноты бессознательного, необдуманного, непонятого, голова людей полна призраков *общего*, тускнеющих в свете философской практики просвещения. Guestь философа-практика не понимается теоретически направляемым «случаем из правила», а исследуется из ницшевской позиции – стал ли он тем, кто он есть [8].

Кто философствует – живет по-другому, утверждает Г. Ахенбах, освобождается хотя бы частично, от воздействия сил изнутри и извне, обнаруживает возможности жить лучше с неопределенностью, чем с несуществующей и субъективной определенностью, обусловленной инертностью сердца, стирает границы между вопросами «философскими» и «нефилософскими» [9]. Практика философского консультирования Г. Ахенбаха – подчиняющаяся традициям действия философствованием, обсуждаемая и противоречивая, вопрошающая и поддерживающая, не стала лишней в системе сложившихся отдельных наук о человеке и способна стать ответом на вызовы современности, вступая с ними в продуктивную кооперативную связь.

Библиографический список

1. Золхоева М.В. Философия в современном мире // Вестник БГУ. 2022. № 3.
2. Титова О.И. Взаимосвязь гендера и жизнестойкости в социальном взаимодействии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2021. № 2.
3. Истомина О.Б. Бытие и неопределенность социальных стратегий: вызовы времени // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. № 2.
4. Gerd B. Achenbach Worauf kommt es an? Was ist wahrhaft wichtig? Was ist letztlich entscheidend? Leitende Gesichtspunkte in der Philosophischen Praxis (Vortrag zur Eröffnung des 15. Internationalen Kongresses zur Philosophischen Praxis, Mexiko 2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.achenbach-pp.de/papers/mexiko_2018_deutsch.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
5. J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel Historisches Wörterbuch der Philosophie [Электронный ресурс]. URL: https://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_marquard_Woerterbuch.asp?bURL=de/philosophischepraxis_text_was_ist.asp (дата обращения: 20.11.2023).
6. Gerd B. Achenbach Kurzgefaßte Beantwortung der Frage: Was ist Philosophische Praxis? [Электронный ресурс]. URL: https://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_was_ist.asp (дата обращения: 20.11.2023).
7. Ялом И.Д. Дар психотерапии. Litres, 2016.
8. Gerd B. Achenbach Philosophische Praxis als Alternative zu Psychotherapie und Seelsorge (Vortrag auf dem 10. Kolloquium der GPP am 27.10.1995 in Hannover) [Электронный ресурс]. URL: https://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_alternative_therapie.asp?bURL=de/philosophischepraxis_text_online.asp (дата обращения: 20.11.2023).
9. Ахенбах Г.Б. Основное правило философской практики // Социум и власть. 2016. № 6 (62).

ПРОБЛЕМА РЕДУКТИВНОГО МОРАЛЬНОГО НАТУРАЛИЗМА НА ПРИМЕРЕ ДИАЛОГА «ГИППИЙ МЕНЬШИЙ»

THE PROBLEM OF REDUCTIVE MORAL NATURALISM ON EXAMPLE OF THE DIALOGUE “HIPPIAS MINOR”

М.В. Кудашкин

M.V. Kudashkin

Научный руководитель **Е.Н. Викторук**
Scientific adviser **E.N. Viktoruk**

Платон, моральный натурализм, метаэтика,

В статье представлен анализ раннего диалога Платона «Гиппий Меньший» с точки зрения современной метаэтики. Выводы диалога и ироническая позиция Сократа проанализированы относительно метаэтической теории Вызова Хармана.

Platon, moral naturalism, metaethics.

The article presents an analysis of Plato's early dialogue “Hippias Minor” from the point of view of modern metaethics. Conclusions of the dialogue and ironic position of Socrates are analyzed in “Harman Challenge” the metaethical theory.

Диалог Платона «Гиппий Меньший» исследует метаэтические вопросы. В нем Сократ беседует со знаменитым софистом Иппиасом. Разговор начинается с отношения Иппиаса к Ахиллесу и Одиссею как к альтернативным моделям морали. Софист утверждает, что Гомер изобразил Ахилла как «доблестного мужа, стоящего под Троей», а Одиссея как самого хитроумного [1, с. 204]. Доказывая это отрывком из Илиады, где Ахиллес говорит о своей ненависти к лжецам [2, с. 157].

Как оказывается впоследствии, «хитроумный» есть не что иное, как «лживый». Сократ отвечает на это следующими рассуждениями: для того чтобы быть лживым, нужно осознавать ложь, а для этого нужно уметь отличать правду от лжи, т.е. быть знающим. Как, например, мудрый геометр оказывается способнее всех и на ложь, и на правду. Следовательно, между лживым и правдивым нет никакой разницы [1, с. 208]. Затем Сократ цитатами из Илиады доказывает лживость Ахилла, Иппиас же подчеркивает, что его ложь вынужденная, а Одиссей лжет с умыслом. Из этого делается первый важный вывод: что лгущие добровольно лучше обманывающих невольно [1, с. 212].

В последующей части диалога Сократ в присущей ему манере платоновского диалектика разбирает этот вывод, восходя от конкретных житейских вещей к более общим и возвышенным понятиям. Как на соревнованиях в беге: лучший бегун это тот, кто способен бежать и быстро, и медленно по своей воле, в отличие от того, кто способен бежать только медленно. Так и глаз, способный по своей воле видеть и хорошо, и плохо, лучше глаза, способного видеть только плохо [1, с. 215].

Из этого следует второй важный вывод диалога: душа, совершающая зло добровольно, будет лучше, чем душа, совершающая зло невольно. Следовательно, тот кто добровольно грешит, будет человеком достойным [1, с. 219].

Данные выводы противоречат интуитивному восприятию морали. Поэтому «Гиппий Меньший» является ироническим диалогом. Для понимания иронии стоит знать главный тезис этики Сократа: «никто не поступает неправильно по своей воле». Стоит только ознакомиться с этим положением, и все тезисы диалога решаются без труда. Платон вкладывал в уста Сократа настолько мастерскую иронию, что Иппиас хоть и пытался оспорить эти положения, все же ничего не мог противопоставить намеренно ошибочной аргументации [3, с. 210]. Таким образом, «Гиппий Меньший» вскрывает проблемы современной метаэтической теории редуктивного морального натурализма.

Моральный натурализм считает, что моральные свойства можно редуцировать к естественным либо же признать их естественными без редукации [4, с. 96]. Например, когда мы говорим, что эта машина красная и этот поступок хороший, с точки зрения морального натуралиста мы говорим одно и то же, т.е. для морального натуралиста моральные свойства являются разновидностью естественных. И как цвет машины мы можем изучать с помощью методов естественных наук, так и моральные свойства можно изучать методами этих же наук.

Редуктивный моральный натурализм утверждает редуцируемость моральных фактов и свойств к неморальным. Понятие редукации широко используется в науке. Физические процессы можно свести к математическим, хрупкость графита – к свойствам его кристаллической решетки, температуру кипения воды – к кинетической энергии ее молекул и так далее. В этих примерах одно из свойств является более фундаментальным, а другое полностью от него зависит [4, с. 135].

Но, хоть наука и успешно пользуется принципом редукации, часто сводя его к абдукции, то для моральных фактов дело обстоит иначе. По мнению Грэма Хармана, моральные факты являются ненужными для объяснения происходящего в мире. Они не проходят тест на объяснительную незаменимость. Также моральные факты нельзя познать лишь абдукцией, т.е. для них не существует наилучшего объяснения [4, с. 111]. Для доказательства этого тезиса приведем два примера, один из которых касается научных фактов, а другой моральных.

В первом примере физик занят изучением закона тяготения, для чего он наблюдает за падающими предметами. Он видит, что предметы падают и делает суждение: «Это закон тяготения». Данное наблюдение подтверждает теорию о существовании притяжения между Землей и предметами. Такие выводы исходят из того, что наблюдает физик: предметы падают не только из-за своей тяжести, психологического состояния физика, его убежденности относительно эксперимента, но и из-за наличия самого факта силы притяжения. Реальный физический факт повлиял на объект и из-за этого он упал. Если данная теория объясняет вывод лучше всех своих конкурентов, то можно сделать вывод относительно ее истинности. Поскольку частью объяснения было наличие силы тяготения, то физик имеет полное право утверждать ее существование.

Совершенно по-другому обстоят дела с моральными фактами. Видя хулиганов, которые поджигают кошку, мы делаем моральный вывод: это неправильно. Это тоже суждение из наблюдения, но каковы его причины? Мы можем быть сторонником морального натурализма и верить в существование моральных фактов, относительно которых поджигание кошки является неправильным действием. Или можем вывести это суждение из нашего воспитания, социальных норм, психологических особенностей и так далее. Данный пример показывает невозможность найти наилучшее объяснение для моральных фактов, т.е моральные суждения оказываются объяснительно иррелевантными [4, с. 112].

Данная метаэтическая теория получила название «вызов Хармана». Она показывает сложность редукции моральных фактов к естественным. Сократ, раскрывая метаэтический вопрос, пытается преодолеть этот вызов. Развивая диалог от конкретных героев, которые лгут, к концепциям совершения зла вольно или невольно. И так как концовка диалога запутала Иппиаса и противоречит нашим интуициям, можно сделать вывод, что Сократ не смог преодолеть проблемы редукции.

Библиографический список

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / ред. А.В. Матешук [и др.]. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 863 с.
2. Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М.: Худож. лит., 1978. 534 с.
3. Слезак Т. Читая Платона. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. 314 с. (Профессорская библиотека).
4. Кононов Е. Метаэтика. Теоретический обзор. М., 2023. 415 с.
5. Wilson J.D. Plato on homer: heroic liars and the concept of injustice in «Hippias minor» // Вестник РУДН. 2016. № 2.

ОБ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АЛГОРИТМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

ABOUT THE EXPLANATORY POTENTIAL ALGORITHMIC MODELS FOR THE STUDY OF THE FUNCTIONING OF SOCIAL NORMS

А.В. Думов

A.V. Dumov

Научный руководитель Е.А. Алексеева
Scientific advisor E.A. Alekseeva

Алгоритм, объяснение, социальные науки, номология.

В статье рассматривается вопрос о том, насколько обоснованным является утверждение о возможности (или необходимости) алгоритмического объяснения социальных процессов, в частности – функционирования социальных норм. Показано, что в большинстве случаев алгоритмические средства позволяют осуществлять описание, моделирование, но не объяснение.

Algorithm, explanation, social sciences, nomology.

The author considers the question of how justified is the statement about the possibility (or necessity) of an algorithmic explanation of social processes, in particular the functioning of social norms. The conclusion is that in such cases, algorithmic tools allow description and modeling, but not explanation.

Для современных философских исследований характерна тенденция активного использования инструментов формализации, однако требует ситуативного обсуждения вопрос о том, какой результат может быть достигнут посредством применения тех или иных средств и в чем они могут позволить продвинуться исследователю в решении поставленных задач. Несомненно, что важным условием продуктивного использования таковых средств является осознание наличествующих у них ограничений в соотношении с актуально преследуемыми целями исследовательской активности. Небезынтересным в связи с этим является обращение к анализу некоторых формально-философских исследований с целью рефлексии того, насколько критичными оказываются авторы при оценке потенциала привлекаемых ими средств.

В статье «Алгоритмическая модель социальных процессов» В.И. Шалак справедливо указывает на слабые стороны дедуктивно-номологической модели объяснения в ее применении к социальным явлениям [1, с. 48]. Нельзя не выразить единодушия и его критическому отношению к тем социальным исследованиям,

авторы которых пребывают «в уютной среде смыслов и истолкований» [1, с. 48]. Апологетика подобных позиций чаще всего сводится к обвинению формальных, и, в частности вычислительных, направлений в социальной философии и науке в редукционизме, в упрощающем подходе к содержанию реальности социального [2, с. 45]. При этом страшась редукционизма авторы нечасто берут на себя труд указать, о редукции какого рода они говорят, является ли она значимой, неизбежной, и, наконец, действительно ли она вообще будет иметь место как эпистемическое явление.

Можно долго говорить о том, какое изумление вызывает подобное теоретико-методологическое самоограничение. Однако нам бы хотелось указать на иное обстоятельство. В.И. Шалак полагает, что алгоритмические понятия являются ценными для объяснения социальных явлений, в частности норм, функционирующих в социальном пространстве [1, с. 52]. Представляется, что важно указать на то, какое именно место алгоритмические понятия и инструменты будут занимать в формировании объяснения социальных явлений. По замечанию В.И. Шалака, набор правил поведения укладывается в определение алгоритма как общепонятного и однозначного предписания о порядке и характере действий, необходимых для достижения искомого результата (интуитивное определение В.А. Смирнова [3, с. 84]). Алгоритм, по его мнению, может рассматриваться как некаузальный закон [1, с. 53]. Тем самым он отказывается от принятия каузального понимания объяснения (наилучшим выражением которого может служить суждение У. Сэлмона о том, что дать научное объяснение – это показать, как событие или статистическая закономерность вписываются в каузальную структуру мира [4, р. 162]) и сближаются с некаузалистским пониманием «математического» объяснения в духе М. Ланге (категория объяснений посредством «ограничения», т.е. указания на отдельные математические факты, действие которых является более сильным по своей модальности, чем действие естественных законов [5, р. 10]).

При этом В.И. Шалак ограничивается тривиальной по своему содержанию гипотезой о том, что входящие в состав сообществ люди подчиняют свою активность определенным комплексам норм, т.е. правил [1, с. 53], а эти комплексы, исходя из определения, алгоритмичны. И именно применительно к аргументации данного положения хочется задать вопрос о том, не стремится ли автор (возможно, сам не обращая на это внимания) выдать описание за объяснение, желаемое – за действительное? Вместо демонстрации того, что действие социальных норм будет с математической необходимостью представлять собой реализацию определенных алгоритмов, В.И. Шалак ограничивается универсальным суждением о том, что любая система правил представляет алгоритм, и незнание того, что регламентация поведения является алгоритмической по характеру, не отменяет этого обстоятельства [1, с. 54]. В действительности алгоритм, если следовать определению В.А. Смирнова, может быть использован как формальный инструмент описания во всех случаях, где имеет место целенаправленная активность

(и именно это обуславливает уверенное суждение автора о том, что для опровержения алгоритмического объяснения социальности потребуется лишь нахождение одного примера социального явления, которое невозможно описать на алгоритмическом языке [1, с. 61]).

Но некаузальное объяснение не может строиться только на возможности создания определенных описаний. Можно создать алгоритмические модели морали, права, локальных социальных норм групп и сообществ, но чем это способствует объяснению их генезиса и актуального содержания? Конечно же, иррелевантность дедуктивно-номологической модели привела к формированию обширного блока позиций в осмыслении специфики объяснений в социальных науках, названной М. Сэлмон «номологическим скептицизмом», и, по-видимому, позицию В.И. Шалака следует относить к данному блоку (в пользу чего говорят и его замечания о экспланаторной сложности социальных явлений [1, с. 49]). Но номологический скептицизм не требует экспланаторного скептицизма с необходимостью, он лишь ставит под сомнение возможность выработки универсальных законов. Если же рассмотреть социальную реальность как номологически неоднородный контекст, в отношении которого встает множество экспланаторных задач, то вполне релевантной кажется модель вывода к наилучшему объяснению (IBE) П. Липтона [7]. Вопрос же о месте некаузальных (например, математических) объяснений в структуре социального знания не может быть однозначно решен в пользу их абсолютизации, равно как и в пользу подмены экспланаторных задач дескриптивными.

Библиографический список

1. Шалак В.И. Алгоритмическая модель социальных процессов // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2021. № 1 (19). С. 46–62.
2. Смирнова Н.М. Социальные науки: вычисление или герменевтика? // *Философия науки и техники*. 2021. № 1. С. 43–46.
3. Смирнов В.А. Алгоритмы и логические схемы алгоритмов // *Проблемы логики* / отв. ред. П.В. Таванец. М.: АН СССР, 1963. С. 84–101.
4. Salmon W.C. A Third Dogma of Empiricism // *Basic Problems in Methodology and Linguistic* / Ed. by R. Butts, J. Hintikka. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. P. 149–166.
5. Lange M. *Because Without Cause: Non-Causal Explanations in Science and Mathematics*. New York: Oxford University Press, 2016. 512 p.
6. Salmon M.H. *Explanation in the Social Sciences* // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Scientific Explanation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. Vol. 13. P. 384–409.
7. Lipton P. *Inference to the Best Explanation*. London, Routledge, 2004. 232 p.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ СТУДЕНТА

EPISTEMIC VIRTUES OF THE STUDENT

Е.В. Черепанова, А.Е. Родина

E.V. Cherepanova, A.E. Rodina

Научный руководитель Н.И. Мартишина

Scientific advisor N.I. Martishina

Эпистемические добродетели, самоконтроль, стремление, критическое мышление.

В статье представлен краткий обзор основных вопросов, связанных с проблемой формирования эпистемических добродетелей студента. Проанализированы основные качества студента, необходимые для успешного получения знания.

Epistemic virtues, self-control, aspiration, critical thinking.

The article presents a brief overview of the main issues related to the problem of the formation of epistemic virtues of the student. The main qualities of the student necessary for the successful acquisition of knowledge are analyzed.

Философская теория познания и философия образования имеют не только теоретическое, но и практическое значение для всех, кто получает образование и у кого большую часть жизни составляет познавательная деятельность. Вопрос о том, какие личностные интеллектуальные качества и навыки необходимы студентам для успешного овладения знаниями и развития своего мышления, является одной из основополагающих тем в этой предметной области.

Студент – это индивид, который стремится получить все возможные знания и максимально развить свои профессиональные навыки, и для этого ему необходимо иметь определенные качества, которые в современной теории познания определяются как эпистемические добродетели. Если в целом эпистемические добродетели – это «личностные (социально значимые) качества, которые реализуются в познавательной деятельности» [1, с. 259], то эпистемические добродетели студента в общем виде можно определить как совокупность индивидуальных особенностей, которые помогают ему совершенствовать свои знания, познавательные способности и умения. Рассмотрим их подробнее.

Первой и, наверное, самой главной эпистемической добродетелью для студента среднего и высшего звена являются самоконтроль и саморегуляция. Студенту, желающему обрести подлинные знания, приходится контролировать свои эмоции, рационально управлять своим временем, ставить цели перед собой и следовать им. Все это позволяет ему быть более ответственным, организованным и целеустремленным, что, в свою очередь, способствует более эффективно учебному процессу [2, с. 32].

Другой важной эпистемической добродетелью является само желание студента учиться, его стремление постоянно получать как можно больше знаний и навыков от преподавателей, а затем и коллег. Успешный студент понимает, что обучение не заканчивается с получением диплома, и поэтому он всегда открыт для новых идей, готов к изменениям и постоянному совершенствованию.

Нельзя не сказать о критическом мышлении, которое играет важную роль в формировании эпистемических добродетелей студента. Оно заключается в умении собирать, анализировать и представлять информацию, отделять главное от второстепенного, оценивать достоверность источников, а также подбирать логически обоснованные аргументы и корректно выстраивать доказательства при решении сложных задач. Критическое мышление помогает студенту не просто запоминать факты, но и понимать их смысл и значение, что является основой для глубокого усвоения знаний.

Наконец, последней эпистемической добродетелью студента, о которой хочется упомянуть, является отсутствие боязни сделать ошибку. Как мы можем чему-то научиться, если не ошибаемся? Наоборот, неудача может стать дополнительным стимулом для учебы, познания себя и мира. Здесь стоит вспомнить выражение древнегреческого драматурга Еврипида, который сказал: «Человек, который много совершает, и ошибается во многом». Поэтому успешному студенту не следует бояться оступиться. Статус прилежного ученика не упадет ни в чьих глазах, зато он поймет, на что обратить внимание в следующий раз, и, таким образом, быстро исправит ошибки и обязательно справится с заданиями любой сложности [3].

Таким образом, эпистемические добродетели играют важную роль в формировании успешного студента. Они помогают ему развивать когнитивные способности, улучшать качество своего мышления, быть более организованным и ответственным в учебном процессе. Важно помнить, что эти личностные качества не являются чем-то данным по природе, а скорее представляют результат работы студента над собой. Только постоянная практика и самосовершенствование позволяют достичь высоких результатов в учебе, а затем и в жизни.

Библиографический список

1. Мартишина Н.И. Эпистемические добродетели ученого: к постановке проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России [Электронный научный журнал]. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistemicheskie-dobrodeteli-uchenogo-k-postanovke-problemy/viewer> (дата обращения 22.11.2023).
2. Батоцыренова Т.Е., Пулина В.В. Проблема формирования самоконтроля студентов в процессе обучения в вузе: учеб. пособие / Владим. гос. ун-т. Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2020. 64 с.
3. Крутых Е.В. Страх ошибки у студентов // Вестник Адыгейского государственного университета [Электронный научный журнал]. Сер.: Педагогика и психология. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-oshibki-u-studentov/viewer> (дата обращения: 22.11.2023).

Раздел 3.
ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

ETHICAL ASPECTS OF COUNSELING PARENTS OF CHILDREN WITH DISABILITIES

А.Ф. Гох, Е.Н. Викторук, О.Ю. Орлова

A.F. Gokh, E.N. Viktoruk, O.Yu. Orlova

Этические принципы, психологическое консультирование, родители, ограниченные возможности здоровья, человек особенный.

В статье представлены этические аспекты консультирования родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. Бережное отношение к столь уязвимым людям помогает сохранить свое хрупкое Я, а может и приподняться над собственным эго.

Ethical principles, psychological counseling, parents, disabilities, a special person.

The article presents the ethical aspects of counseling parents of children with disabilities. Taking care of such vulnerable people helps to preserve one's fragile self, and can even rise above one's own ego.

Родитель – это всегда особая группа людей, идентичность которых значительно отличается от других общностей. Родитель выделяется прежде всего беззаветной любовью к ребенку и самопожертвованием. Родитель ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), или, как мы называем, «особенного» ребенка, разительно выделяется среди других родителей. Такого родителя тоже можно назвать «особенным», поскольку ему приходится решать многочисленные проблемы, с которыми не сталкиваются другие люди [1]. Высокая психологическая нагрузка, иллюзорность перспектив – лишь некоторые проблемы родителей с ОВЗ, которые представляют интерес для нашего исследования [2]. Зачастую имеющихся собственных ресурсов для преодоления вызова у родителя не хватает и он использует внешние: консолидация родителей с подобными проблемами, помощь государства, сопровождение специалистов и др. Немаловажным фактором является психологическая консультация, помогающая принять ситуацию и особенности своего ребенка, обрести душевный баланс и раскрыть в себе новые ресурсы.

Консультация «особенного» родителя, безусловно, имеет свои особенности. При консультировании родителей с ОВЗ, для которых характерными являются «обнаженный нерв», ранимость и уязвимость, требуется повышенное внимание к этическим аспектам.

14 февраля 2012 г. V съездом Российского психологического общества принят Этический кодекс психолога [5]. Этот документ не является нормативным, обладающим юридическим правом, однако несет высокую смысловую нагрузку добровольно взятых на себя обязательств, что обеспечивает высокую парти-

ципативность практикующих психологов. Этический кодекс содержит принципы деятельности психолога: уважения, компетентности, ответственности, честности. Но эти принципы скорее направлены на безопасность клиента, минимизацию рисков нанесения вреда, а не отражает этическую специфику предоставления услуги. В рамках нашего исследования расширим список этических принципов, являющихся аспектами консультирования родителей детей с ОВЗ. Это принципы добровольности, конфиденциальности, личной ответственности, совместной выработки решений и комплексности [3; 4].

Принцип добровольности обращения родителя к психологу является важнейшим этическим принципом. Личный выбор и собственная воля являются ведущим мотивом встречи с консультантом.

Принцип конфиденциальности позволяет обеспечить безопасность семьи. Обсуждаемая информация на приеме должна оставаться в пределах помещения и в пределах времени консультации. Это обеспечивается специальными процедурами хранения информации, неиспользованием полученных сведений в других обстоятельствах. Анонимность клиента может быть нарушена, и это не противоречит Этическому кодексу, в случае реальной угрозы жизни здоровья как самого клиента, так и третьих лиц. И даже в этом случае соблюдается максимальная защищенность интересов клиента.

Принцип личной ответственности клиента означает собственный выбор дальнейших действий, а не следование некоему точному алгоритму, полученному со стороны психолога. Ожидание готового решения проблемы оставляет родителя в зоне комфорта, лишая возможности развития как самого родителя, так и своего ребенка. Культура «жертвы», зачастую навязываемая родительским сообществом, позволяет находиться в выгодной иждивенческой позиции.

Логичным выглядит следующий принцип – совместной выработки решений. Родителю должен быть понятен профессиональный язык психолога, для этого совместность обсуждения позволяет нивелировать этот барьер и избежать негативизма со стороны родителя. Этика действий консультанта заключается не только, а может быть, и не столько в совместном поиске разрешения проблемы, сколько в организации семейных взаимоотношений родителей и ребенка, выявлении смыслов с опорой на нравственные ценности.

Принцип комплексности в работе с семьей. Деятельность психолога является практически всегда командной работой. Родителю предоставляется доступная точка «единого окна», либо выдаются координаты других специалистов или организаций, в которых оказывается качественное и доступное сопровождение детей с ОВЗ и их семей.

Кроме обозначенных принципов, при консультировании родителей детей с ОВЗ соблюдаются этичность языка, учет психологических особенностей ребенка, эмпатия, аттракция, социальная атрибуция, каузальная атрибуция и другие механизмы перцепции.

Вывод. «Особенные» люди полезны для общества, но отнюдь не в утилитарном отношении. Они стимулируют общество к доброте, человечности. Встреча с семьей, воспитывающей ребенка с ОВЗ, пусть и в силу профессиональных обстоятельств, всегда является событием. Бережное отношение к столь уязвимым людям помогает сохранить свое хрупкое Я, а может и приподняться над собственным эго.

Библиографический список

1. Гох А.Ф., Викторук Е.Н., Минеев В.В. Аутичный мир: от одиночества субкультуры к созданию общечеловеческих ценностей: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2021. 216 с.
2. Гох А.Ф., Викторук Е.Н., Минеев В.В., Юрков Д.В. Аутичное сообщество: оправдание конфликта // Ценности и смыслы. 2022. № 1 (77). С. 98–110.
3. Левшунова Ж.А. Консультирование родителей детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях школьной психологической службы // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2021. № 12 (21). С. 147–150.
4. Мурафа С.В., Новиков Г.В. Особенности психологического консультирования родителей, имеющих детей с ОВЗ // Развитие психолого-педагогической компетентности родителей обучающихся: сб. 2017. С. 100–108.
5. Этический кодекс психолога. URL: <http://psygus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения: 10.11.2023).

ДИСЦИПЛИНА «ТЕОЛОГИЯ» КАК ГАРАНТ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

DISCIPLINE “THEOLOGY” AS A GUARANTOR OF THE PRESERVATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES

С.Г. Баринова

S.G. Barinova

Философия, теология, дисциплина, образование, наука, вера.

В статье рассматривается необходимость введения учебной дисциплины «теология» в систему высшего образования. В Российском государстве избран курс на сохранение и приумножение духовно-нравственных ценностей. Теология может служить гарантом формирования духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения.

Philosophy, theology, discipline, education, science, faith.

The article discusses the need to introduce the academic discipline “theology” into the higher education system. The Russian state has chosen a course towards preserving and enhancing spiritual and moral values. Theology can serve as a guarantor of the formation of spiritual and moral values of the younger generation.

О необходимости введения дисциплины «теология» в систему высшего образования в России ведутся споры. Ранее введение учебной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» в систему школьного образования вызвало различные реакции в современном российском обществе. Сторонники введения дисциплины обосновывали необходимость и своевременность получения подобного знания школьниками. Противники введения дисциплины сводили свою точку зрения почти к воинствующему атеизму, критикуя дисциплину и говоря о насаждении религиозного образования в школе. Тем не менее своевременность введения теологии в систему высшего образования назрела именно сейчас. Потеря верных ориентиров духовно-нравственного характера, проявляющаяся в настоящее время среди молодежной среды, требует немедленного вмешательства. Молодежь является наиболее уязвимой частью общества, она склонна к различным формам самовыражения, экстравагантным поступкам, поиску своего «я» в обществе «демонстративного потребления». Неокрепшая молодая психика более подвержена воздействию современных нетрадиционных культов, нежели психика взрослых образованных людей.

Постигая мир вокруг, молодой человек всегда совершает ошибки, подвергаясь порой авторитету сомнительных лидеров, взрослых друзей, влиянию общественных стереотипов. Большую часть информации предоставляют Интернет,

социальные сети и многочисленные видео на любой вкус. Опрос студентов нашего вуза показал, что книги читают крайне малое количество студентов, ссылаясь на нехватку времени. В то же время, по их признанию, время просмотра роликов канала YouTube занимает от двух часов в день. Бесспорно, что существует и полезный контент, но быстро полученное знание также быстро «испаряется» из памяти. Информационное общество накладывает отпечаток на образ жизни всех современных людей. «Условия информационного общества требуют от нас пересмотра прежних схем обучения, воспитания, социализации, профориентации и внедрения новых технологий» [1, с. 42].

Современная культура показывает более слабые образцы в музыке, живописи, литературе. Общество демонстративного потребления товаров и услуг нацеливает человека на постоянное потребление, погоню за обновляющимися моделями смартфонов, автомобилей и других товаров внешне красивой современной жизни, в которой нет места духовности. Поэтому духовно-нравственное воспитание и изучение теологических дисциплин представляются сейчас крайне актуальными. Изучение теологии невозможно без изучения философии, эти дисциплины составляют основу гуманитарного знания. Курс теологии займет особое место среди гуманитарных дисциплин, так как станет основой подготовки будущего специалиста любой отрасли. «Рассматривая теологию в одной из основных ее функций, как системообразующее начало определенной религиозной традиции и в силу этого как мировоззренческое и нормотворческое начало культуры, мы предлагаем использовать опыт и возможности христианской теологии как философии образования» [5, с. 8]. В условиях многонационального российского общества, а также с целью сохранения богатого духовно-нравственного наследия нашей страны необходимо изучение теологии в рамках трех мировых религий.

Цель введения учебной дисциплины «теология» заключается в формировании общих понятий о предмете теологической науки и ее университетской специфике, а также о системе теологических знаний и структуре теологических дисциплин. Изучение теологии направит мышление студента в правильном духовном направлении. Философия как наука, объясняющая исходную структуру организации мира, опирается на научные доказательства. Вероятно, что изучение теологии окажется в меньшем объеме ввиду специфики университетского образования. Однако необходимо ввести эту дисциплину в систему высшего образования даже в небольшом объеме часов как вариативную часть цикла дисциплин. Это даст свои благотворные результаты в ближайшем будущем. Учитывая специфику миграционных процессов в современном российском обществе, теология окажется связующим звеном в изучении гуманитарных наук для представителей всех национальностей. Например, в Красноярском крае проживает около 158 национальностей. В многоконфессиональном обществе особенно важным окажется изучение основ теологического знания в целях профилактики религиозного радикализма и сохранения духовно-нравственных ценностей.

Библиографический список

1. Баринаева С.Г. Профориентация молодежи с ОВЗ в условиях информационного общества: проблемы и перспективы // Организация работы с молодежью в информационном обществе: материалы Одиннадцатой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2020 г. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2020. С. 41–44.
2. Нагорный Н.Н., Рубчевский К.В. Историческое познание как сфера национальной безопасности России: монография. Красноярск, 2006. 128 с.
3. Чикаева Т.А. Патриотизм как инструмент коллективной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (77). С. 187–189.
4. Чикаева Т.А. Современная мировоззренческая миссия образования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3 (215). С. 27–32.
5. Шмонин Д.В. Мудрость философа и христианская идея образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2019. № 3. С. 7–17.

ЭТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К ЕДИНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ

ETHICAL COMPETENCE OF A TEACHER IN THE CONTEXT OF PREPARING HIGH SCHOOL STUDENTS FOR THE UNIFIED STATE EXAMINATION

К.А. Тупикова, И.В. Мешкова

K.A. Tupikova, I.V. Meshkova

Единый государственный экзамен, состояние экзаменационного стресса у старшеклассников, этическая компетентность педагога, гуманизация учебно-воспитательного процесса.

В статье рассматривается проблема психологической подготовки обучающихся старших классов к сдаче Единого государственного экзамена. Психологическую поддержку ученикам могут оказать не только педагоги-психологи, но и учителя, классные руководители. Соответствующие знания и умения связаны с этической компетентностью педагога, эмоциональной чувствительностью и тактом. В период подготовки к ЕГЭ старшеклассники ожидают от педагогов понимания их эмоционального состояния, уважительного отношения к ученику.

Unified state exam, state of examination stress among high school students, ethical competence of a teacher, humanization of the educational process.

The article examines the problem of psychological preparation of high school students for passing the unified state exam. Psychological support for students can be provided not only by educational psychologists, but also by teachers and class teachers. Relevant knowledge and skills are associated with the teacher's ethical competence, emotional sensitivity and tact. During the period of preparation for the Unified State Exam, high school students expect teachers to understand their emotional state and respect the student.

С 2009 г. в России проводится Единый государственный экзамен (ЕГЭ), являющийся обязательной формой итоговой аттестации для всех выпускников школ. Ежегодно проекты контрольно-измерительных материалов ЕГЭ подвергаются изменениям. Сокращается количество заданий, меняется их формулировка, а также система оценивания ответов и первичный балл, появляются новости о новом порядке проведения экзамена и т.д. Однако утверждаются изменения гораздо позже и даже претерпевают различные изменения до самого экзамена. В связи с этим выпускники оказываются в ситуации неопределенности: неизвестно, какие задания могут встретиться на экзамене, к чему готовиться и т.д.

Эти факторы провоцируют у выпускников стресс и чувство угрозы, связанные со страхом упустить шанс самореализоваться. От результатов ЕГЭ зависит

реализация возможности старшеклассника поступить в выбранный вуз на соответствующую его интересам специальность, тем самым определить свое профессиональное будущее на ближайшую жизненную перспективу.

Ситуацию приближающихся экзаменов выпускники переживают по-разному. Когда на законодательном уровне вводили ЕГЭ как форму системы отбора абитуриентов, предполагали, что тем самым получится снять стресс у школьников, связанный со сдачей экзаменов по окончании школы и при поступлении в вуз. Однако данная попытка государства привела к тому, что стресс при подготовке и сдаче ЕГЭ у выпускников повысился. По мнению Б.П. Елисеева, причиной этого является «реальная ситуация при сдаче ЕГЭ». Выпускникам предстоит сдавать экзамены в чужой школе, в которой организаторами являются чужие учителя. Старшеклассники оказываются в незнакомой для них обстановке, что создает условия для стресса [1].

В связи с этим возникает дополнительная потребность в психологической подготовке обучающихся старших классов к сдаче ЕГЭ, которая должна быть направлена на повышение у них уровня эмоциональной саморегуляции, развитие стрессоустойчивости. Такую работу могут выполнить не только педагогпсихологи, но и сами учителя-предметники, классные руководители. Необходимые для этого соответствующие знания и умения сопряжены с этической компетентностью педагогов, эмоциональной чувствительностью и тактом. Как отмечает С. Е. Шульпин, «перейти к гуманизации учебно-воспитательного процесса возможно, опираясь на учителей, имеющих высокий уровень этической компетентности» [2].

Важно отметить, что этическая компетентность современного педагога предполагает не только знание педагогом норм поведения и их соблюдение, а также умение привить детям этические нормы [3, с. 306], которые они могут проявить в период сдачи ЕГЭ. В этом случае учитель, общение и поведение которого соответствует этическим нормам, не только является для учеников примером для подражания, но и воспринимается ими как «гарант» их безопасности в стрессовой ситуации Единого государственного экзамена.

В проведенном нами исследовании особенностей переживания старшеклассниками стресса при подготовке к ЕГЭ приняли участие ученики 11-го класса МАОУ «СОШ им. А. Н. Арапова», поселка городского типа Верх-Нейвинский Свердловской области. Среди участников опроса 14 девушек и 10 юношей в возрасте 17–18 лет.

Результаты исследования показали, что стресс при подготовке к ЕГЭ старшеклассников утомляет; кого-то он мотивирует усерднее готовиться к экзамену, а кому-то, наоборот, мешает. Стресс при подготовке к ЕГЭ провоцирует потерю или набор веса, причем как у девушек, так и у юношей, и сказывается на самочувствии старшеклассников: вызывает бессонницу, головные боли, учащенное сердцебиение, стресс и тревогу, а также эмоциональное выгорание.

В период подготовки к ЕГЭ старшеклассники ожидают от педагогов проявления эмоциональной поддержки, понимания их состояния, уважительного отношения к ученику. По нашему мнению, снижению тревожности школьников может способствовать стиль общения педагога, характеризующийся доброжелательностью, тактичностью, корректностью в предъявлении замечаний. Этически компетентного педагога отличают внимание к проблемам старшеклассника, умение мотивировать его к преодолению трудностей, достижению поставленных целей.

Полученные результаты показывают, что в период профессиональной подготовки будущих учителей особое внимание следует уделять формированию их этической компетентности, «что позволит им осознать необходимость нравственных установок личности педагога для успешного решения воспитательных задач» [4, с. 18].

Библиографический список

1. Елисеев Б.П. К оценке ЕГЭ как одной из форм системы отбора абитуриентов // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 166. С. 98–101.
2. Шутьпин С.Е. Этическая компетентность как фактор подготовки будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук. Курган, 1999. 184 с.
3. Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. Этическая компетентность современного педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. С. 306–308.
4. Мешкова И.В. Этическая компетентность будущего педагога в структуре психологической готовности к профессиональной деятельности // Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии: материалы VIII Всероссийской (национальной) науч.-практ. конф. (Красноярск. 19 ноября 2020 г.) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. С. 16–18.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

USING THE CASE METHOD TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF COLLEGE STUDENTS' EDUCATION

Е.М. Быстрова, Н.Н. Бабакова

E.M. Bystrova, N.N. Babakova

Образование, чемпионат, метод обучения, кейс, эффективность образования.

В статье рассматриваются современный подход и метод повышения качества обучения и воспитания в системе среднего профессионального образования путем применения кейс-технологии. Проанализирована эффективность применения кейс-метода на региональных чемпионатах.

Education, championship, teaching method, case study, effectiveness of education.

This article discusses the modern approach and method of improving the quality of education and upbringing in the system of secondary vocational education through the use of case technology. The effectiveness of the use of the case method at regional championships is analyzed.

В современном мире стремительные изменения во всех сферах влекут за собой и изменения в образовании – совершенствуются формы и методы обучения различным дисциплинам, меняются федеральные государственные образовательные стандарты. В связи с этим в системе среднего профессионального образования также происходят большие перемены, на первый план выдвигается необходимость обучения, воспитания и формирования конкурентоспособной, мобильной и не боящейся изменений личности. Студент, получающий среднее профессиональное образование, должен не только стать первоклассным специалистом в своей сфере, но и уметь самостоятельно, без посторонней помощи ориентироваться в современных информационных потоках [1]. Для достижения намеченных целей можно использовать кейс-метод. Применение этого метода позволяет развить познавательный интерес, способствует формированию научно-исследовательских, коммуникативных и интеллектуальных умений принятия решений. Метод кейсов применяется для решения конкретных задач – ситуаций (выполнения кейс-задания). Отличительной особенностью кейс-метода является создание проблемной ситуации на основе фактов из реальной жизни. При работе с кейсом студенты должны: проанализировать предложенную ситуацию; выделить проблему и ее причины; найти информацию, которой не хватает; рассмотреть различные варианты решения проблемы; предложить лучшее решение из возможных.

Рассмотрим более подробно данный метод на примере самого масштабного кейсового движения страны «Профессионалы будущего». Кейсы чемпионатов «Профессионалов будущего» – это реальная инженерная проблема конкретного предприятия или отрасли, представляющая собой текстовое и графическое описание производственной или бизнес-ситуации за 1–5 лет с ключевыми задачами. Как правило, за основу кейса берется ситуация, произошедшая в конкретной компании. При необходимости ситуация заостряется и в нее закладывается проблема, провоцирующая дискуссию. Чтобы сделать кейс более приближенным к реальности, его готовят в тесном сотрудничестве с представителями компании: авторы кейса обсуждают проблему с топ-менеджерами, проводят интервью с сотрудниками, собирают данные из разных отделов. Содержание кейса дополняется данными из открытых источников: отчетов консалтинговых компаний, исследований рынков, информации для инвесторов, статистических данных. Наши студенты принимают активное участие в кубках региона по различной тематике данного кейсового движения. Команда «Экономички» в региональном кубке заняла 3-е место (рис. 1).

Рис. 1. Команда «Экономички»

Команда «Отчаянная тройка» заняла 8-е место (рис. 2)

Рис. 2. Команда «Отчаянная тройка»

При решении кейса студенты учатся распределять роли в команде, общаться между собой. Кроме того, они анализируют исходные данные, находят дополнительную информацию, применяют технологию «мозговой штурм». При защите проектов студенты должны презентовать свой проект и отвечать на вопросы жюри. Таким образом, у них формируются коммуникативные, практические, исследовательские навыки. Ребятам нравится принимать участие в таких мероприятиях. Они приобретают опыт и презентуют себя перед потенциальными работодателями. На таких чемпионатах работодатели находят сотрудников и решают проблему одним из предложенных способов. Данный чемпионат проводится при поддержке Фонда президентских грантов, Минобрнауки России, а также других отраслевых министерств и ведомств, государственных институтов развития. В числе индустриальных партнеров соревнований такие лидеры отрасли, как «Русал», «Норникель», «Северсталь» и другие [2]. Высокая эффективность кейс-метода заключается:

- 1) в развитии умений упорядочивания информации;
- 2) умении выработки управленческого решения;
- 3) актуализации и критическом оценивании накопленного опыта в практике принятия решений;
- 4) организационной коммуникации в процессе коллективного поиска и обоснования решения;
- 5) разрушении стереотипов и штампов в организации поиска верного решения;
- 6) стимулировании инноваций за счет согласования знаний – развитие системного, фундаментального знания;
- 7) повышении мотивации на расширение теоретических знаний для решения практических задач.

Таким образом, участие в различных чемпионатах позволяет использовать теоретическую базу знаний для решения практических проблем. Повышается эффективность образования. Метод кейсов в обучении позволяет более полно погрузиться в понятия и проблемы, связанные с реальными организациями и развитием бизнеса. Он более эффективен, чем прослушивание лекций или практические занятия. Студенты могут применять свои знания при росте по карьерной лестнице, оптимизации производства, открытии и ведении своего дела.

Библиографический список

1. Сайт ИНФОУРОК [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Сайт Профессионалы будущего [Электронный ресурс]. URL: <https://profuture> (дата обращения: 01.11.2023).

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА К КУЛЬТУРЕ СТРАНЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА У ПОДРОСТКОВ ЧЕРЕЗ ПРОСЛУШИВАНИЕ ИНОСТРАННОЙ МУЗЫКИ

DEVELOPING INTEREST IN THE CULTURE OF THE COUNTRY OF THE LANGUAGE STUDYED IN TEENAGERS THROUGH LISTENING TO FOREIGN MUSIC

А.Д. Сафронеев, И.В. Мешкова

A.D. Safroneev, I.V. Meshkova

Познавательный интерес, уроки английского языка, песни на иностранном языке как один из видов аутентичных материалов.

В статье рассматривается проблема развития у подростков интереса к изучению английского языка посредством использования на уроках песен на иностранном языке. Результаты проведенного анкетного опроса показали, что прослушивание иностранных песен на уроках английского языка не только способствует формированию учебной мотивации, лингвистических учебных умений, но и помогает расширять кругозор, активизирует интерес к культуре страны изучаемого языка.

Educational interest, English lessons, songs in a foreign language as one of the types of authentic materials.

The article examines the problem of developing teenagers' interest in learning English through the use of songs in a foreign language in lessons. The results of the questionnaire survey showed that listening to foreign songs in English lessons not only contributes to the formation of educational motivation and linguistic learning skills, but also helps to broaden one's horizons and activates interest in the culture of the country of the language being studied.

В современных условиях общественного развития интерес к межкультурной коммуникации у обучающейся молодежи выражен достаточно ярко. Этому способствуют не только широкие возможности использования социальных сетей для удовлетворения потребности в общении с представителями разных народов, разных культур, отраженных в языке, но и использование на уроках иностранного языка аутентичных материалов (печатных, визуальных, аудиальных). Таким образом, проблема развития интереса у обучающихся к культуре страны изучаемого языка остается актуальной не только для ученых, но и для педагогов-практиков.

Сегодня учитель для развития интереса обучающихся к изучению иностранного языка старается создать необходимые условия для погружения в естественную языковую культурную среду настолько, насколько это возможно осуществить в рамках школьного урока. Главное преимущество использования аутентичных материалов, в отличие от учебных, состоит в том, что аутентичные материалы созданы для носителей языка, благодаря чему они имеют гораздо более полно

приближенное к реальной, «живой» речи содержание, способствующее развитию у обучающихся коммуникативной компетенции, воспитанию интереса и уважения к культуре других народов.

Как отмечает Н.В. Винокурова, для успешной коммуникации человеку в независимости от страны его проживания необходимо не только обладать хорошими знаниями иностранного языка, но и принимать собеседника как носителя чужой культуры, имеющего свой духовный мир, мировосприятие [1, с. 189].

На основе проведенного анализа научно-методических работ П.В. Сысоев приходит к выводу, что к концу обучения иностранному языку учащиеся должны сформировать культурную осведомленность, предполагающую формирование таких качеств, как эмпатия, толерантность, непредвзятость к представителям других культур [2, с. 13].

Одним из видов аутентичных материалов являются песни на иностранном языке. В связи с этим перед учителем встает вопрос качественного отбора песен на иностранном языке, поскольку необходимо учитывать, что не все песни несут одинаковую образовательную нагрузку. Одни песни могут содержать в себе весь необходимый материал для изучения определенной темы, другие – лишь часть необходимого материала или же не содержать его совсем. Поэтому на этапе подготовки к занятию необходимо продумать, каким образом и с какой целью песенный материал может быть использован на уроках. Кроме этого, важно детально разработать алгоритм работы с песенным материалом.

Песни как компонент процесса обучения иностранному языку имеют ряд особенностей и преимуществ. Использование песенного материала для выполнения различных упражнений, направленных на изучение лексики, может способствовать постоянному и своевременному пополнению словарного запаса обучающихся. В эмоциональном плане песня позволяет испытать эстетическое наслаждение. В то же время прослушивание песен на иностранном языке помогает активизировать познавательные процессы (внимание, память, мышление, речь).

На наш взгляд, важным фактором развития интереса к культуре страны изучаемого языка у подростков является учет их индивидуальных потребностей при прослушивании иностранной музыки.

С этой целью мы провели анкетный опрос учеников 6-го класса, обучающихся в общеобразовательной школе города Нижнего Тагила. Общее количество участников исследования 10 человек в возрасте 12 лет.

На вопрос «Слушаете ли вы песни на иностранных языках?» 8 человек ответили утвердительно, указав, что слушают песни преимущественно на английском языке.

По мнению подростков, прослушивание песен на английском языке помогает им лучше понять содержание и смысл текста песен, позволяет сформировать навыки понимания иностранной речи на слух. Как отмечают ученики, использование песен в процессе обучения английскому языку помогает им пополнять свой словарный запас и улучшать произношение.

Особое внимание подростки уделяют возможности приобщения на уроках английского языка к культуре страны изучаемого языка. Благодаря использованию песен они отмечают возникновение желания расширить свой кругозор, свободно ощущать себя во время путешествий в другие страны, чувствовать себя уверенно в общении с иностранцами, не испытывая коммуникативных барьеров.

Таким образом, на основе результатов проведенного опроса можно сделать вывод, что многие современные подростки проявляют интерес к изучению иностранного языка (в частности, английского языка). Прослушивание иностранных песен на уроках английского языка не только способствует формированию учебной мотивации, лингвистических учебных умений, но и помогает расширить кругозор, активизирует интерес к культуре страны изучаемого языка.

Библиографический список

1. Винокурова Н.В. Особенности межкультурной коммуникации в ходе обучения иностранным языкам // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2014. № 5 (169). С. 189–191.
2. Сысоев П.В. Овладение родной культурой и культурой страны изучаемого языка: когнитивные аспекты // Вестник ТГУ. 2003. № 3. С. 13–21.

МОТИВАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОВЗ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

MOTIVATIONAL READINESS OF A PRESCHOOL CHILD WITH DISABILITIES AS THE MAIN FACTOR OF LEARNING AT SCHOOL

В.Д. Любичева

V.D. Lyubicheva

Научный руководитель В.Ю. Потылицина
Scientific advisor V.Yu. Potylicina

Ребенок с ОВЗ, родители, мотивационная готовность, дошкольный возраст, обучение в школе.

В статье рассматриваются мотивационная готовность, а также ее особенности у нормотипичного ребенка и ребенка с ОВЗ. В конце статьи даны рекомендации родителям по формированию мотивационной готовности ребенка с ОВЗ к обучению в школе.

Child with disabilities, parents, motivational readiness, preschool age, schooling.

The article examines motivational readiness, as well as its features in a normotypical child and a child with disabilities. At the end of the article, recommendations are given to parents on developing the motivational readiness of a child with disabilities to study at school.

Наше общество каждый раз изменяется из-за внешних и внутренних причин, которые возникают независимо от самих людей. Изменения касаются не только самого общества, но и семьи, воспитывающей детей. Особое значение имеет дошкольный возраст ребенка, ведь в этом возрасте ему необходимо внимание родителей. В возрасте 6–7 лет ребенок начинает проходить новый для себя этап в жизни – подготовку к школе. На данном этапе ребенку требуются адаптация, определенная моральная подготовка, формирование новых качеств, которые впоследствии понадобятся в обучении в школе.

Психологическая готовность – важнейшее новообразование дошкольного возраста. Готовность к школе – итог работы системы воспитания и обучения семьи и детского сада. Мотивационная готовность к обучению в школе – это сложное психологическое понятие, включающее в себя два проблемных понятия: мотивацию и готовность к школе [2]. Большинство исследователей, таких как Л.И. Божович, Н. И. Гуткина, В. Д. Шадриков говорят о значимости мотивационного компонента ребенка для готовности к обучению. Само понятие «мотивация» имеет несколько определений. Древние философы (Платон, Аристотель, Демокрит, Гераклит и др.) считают, что мотивация неразрывно связана с эмоциональными переживаниями. «Ум человека становился изощренным, двигающим к изменениям

и изобретению все новых благ, совершенствованию языка, речи и привычек к труду». В те времена мотив рассматривался как основная движущая сила. Сейчас психологи трактуют понятие «мотивация» как совокупность побуждений, вызывающих активность индивида и определяющих ее направленность [1].

Мотивационная готовность дошкольника проявляется в потребности ребенка в знаниях, умениях, навыках, а также стремлении совершенствовать себя внутренне и внешне. Сформированная мотивационная готовность влияет положительно на ребенка. Она помогает первокласснику адаптироваться к новым условиям, коллективу, требованиям со стороны учителей. Если мотивационная готовность недостаточно сформирована или вовсе отсутствует, то происходит дезадаптация ребенка.

Школьная дезадаптация – это неприспособленность ребенка к школе, которая проявляется в виде нарушений правил школы и поведения, конфликтных отношений, отрицательных оценок, психогенных заболеваний и реакций, повышенного уровня тревожности, искажений в личностном развитии. Родители ребенка должны понимать, что если данная проблема не решится в ближайшее время, то их младший школьник будет неуспешен в школе.

Если говорить о детях с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), то этап перехода с дошкольного возраста в школьный происходит иначе. Соответственно, формирование мотивационной готовности происходит со следующими особенностями. К сожалению, у ребенка с ОВЗ мотивация самостоятельно не появляется, по этой причине мотивацию начинают формировать педагоги (психолог, логопед, дефектолог) и воспитатель в дошкольном учреждении. В школе данную мотивацию закрепляют учителя. Задача педагогических работников – включить каждого ученика с ОВЗ в учебный процесс, который бы обеспечивал формирование и развитие познавательных потребностей. Следовательно, при формировании необходимой мотивации и методов успешного обучения необходимо учитывать: возрастные особенности школьника, выбор мотивации и действий учителя в соответствии с возможностями ученика, использование как групповых, так и коллективных форм работы в классе, форм игрового обучения [3].

Многие родители отмечают, что у детей с ОВЗ возникает негативная реакция при обучении и переходе на новую ступень. Такое восприятие ребенка с ОВЗ обусловлено страхом перед чем-то новым, непонятным для него, который формируют родители. Также одной из причин отрицательных реакций является чрезмерное посещение дополнительных кружков для подготовки к школе. Родители волнуются за своего ребенка, но сами того не подозревая, делают так, что он часто устает и не хочет заниматься. Такой ребенок с ОВЗ может застрять на дошкольном этапе из-за перенасыщения. Не стоит забывать о гиперопеке в семье, которая также отрицательно влияет на мотивационную готовность ребенка с ОВЗ. Ребенок может быть эмоционально привязан к своей маме, поэтому отсутствие близкого человека и родительской защиты в школе делает его слабым и беспомощным.

Нами были созданы рекомендации для родителей по формированию мотивационной готовности ребенка с ОВЗ к обучению в школе.

1. Поддержка ребенка его интересов, увлечений. Если ребенок только-только начинает чем-то заниматься, то без помощи родителей у него ничего не получится.

2. Формирование у ребенка адекватной самооценки. Для родителей самое главное – найти «золотую середину», когда ребенка можно похвалить, а когда сказать об ошибке. В дальнейшем он будет сам исправлять себя для достижения высокого результата.

3. Развитие коммуникативных навыков. Умение общаться, дружить формируют в семье. Ребенку нужно общение со сверстниками, ведь оно поможет пережить трудности в школе намного легче.

4. Терпение и повторение пройденного материала в школе. Для ребенка с ОВЗ требуется несколько раз повторить один и тот же материал, чтобы он закрепился. Никогда не спишите, постепенно изучайте и повторяйте. Будьте терпеливы.

5. Перерывы между заданиями. Паузы во время выполнения задания важны для ребенка, потому что переутомление может в конечном итоге вызвать негативные реакции и отсутствие мотивации учиться. Переключите внимание ребенка на несколько минут и снова можете вернуться к заданиям.

6. Обсуждение правил и норм в школе. Проговорите с ребенком, как правильно должен себя вести ученик на уроке, перемене, возле здания самой школы. Все данные внешние факторы могут повлиять на ребенка с ОВЗ, если не будут соблюдаться правила и нормы в школе.

7. Формирование верных представлений о школе. Никогда не запугивайте ребенка школой, ведь формирование такого страха ведет к негативным реакциям, связанным с обучением, учителем, книгами.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Мотивация // Общая психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. 251 с.
2. Гуткина Н. Психологическая готовность к школе. СПб.: Питер, 2007.
3. Ивко Н.Н. Обучение детей с ограниченными возможностями здоровья // Образование лиц с ограниченными возможностями здоровья: опыт, проблемы, перспективы. 2016.

СТАРОСТА КАК ЛИДЕР СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЫ

A HEADMAN AS A LEADER OF THE STUDENT GROUP

К.А. Блинова

K.A. Blinova

Научный руководитель А.С. Черняева
Scientific advisor A.S. Chernyaeva

Студенческая группа, лидерство, староста, нравственные качества.

Рассматривается проблема регулирования отношений в студенческой группе через функции управления, осуществляемые старостой. Определяются те нравственные качества, которыми, по ожиданиям студентов, должен обладать староста.

Student group, leadership, headman, moral qualities.

The article considers the problem of regulating relations in a student group through management functions carried out by the headman. The moral qualities that students expect the headman to possess are determined.

Проблема формирования эффективных с точки зрения организации учебного процесса отношений в студенческой группе будет сохранять актуальность до тех пор, пока будут существовать студенческие группы. Способом осуществления координации выступает, в частности, должность старосты студенческой группы. Староста – это связующее звено между студентами, преподавателями, деканатом, а также администрацией учебного заведения. Староста студенческой группы является ключевым игроком в организации и планировании различных мероприятий, как академических, так и внеучебных.

Тема методов регулирования отношений в сообществах интересовала философов еще с древности. Китайский мыслитель Конфуций, рассуждая о нормах социальной этики, указывает набор качеств, обладание которыми помогут чиновникам в успешном управлении государством: «Надо почитать пять хороших и избавляться от четырех скверных качеств». Пять хороших: «...когда благородный муж добр, но не расточителен; когда он понуждает народ к труду, но не вызывает гнева на вышестоящих; когда он желает обрести, но не ради корысти; когда он величав, но не высокомерен; грозен, но не свиреп». Четыре скверных: «Когда не воспитывают, а казнят – это называется жестокостью; когда, не оповестив заранее, требуют исполнения – это называется насилием; когда настаивают на скором выполнении, прежде указав не спешить, – это называется оскорблением; когда обещают награду и скупаются при выдаче – это называется казенщиной» [2, с. 385]. Может ли метод управления силой нравственного примера быть использован в наше время в университетской среде? Была выдвинута гипотеза, что эффективность работы старосты студенческой группы напрямую влияет на

успешность учебного процесса, уровень дисциплины и вовлеченности студентов во внеучебные мероприятия.

Староста студенческой группы выполняет множество обязанностей и несет большую ответственность. Он выступает как промежуточное звено между студентами и администрацией учебного заведения, отстаивает интересы группы, выступает лидером группы. Эта работа требует организованности, умения общаться с людьми и оперативно решать возникающие проблемы. Выполняя эту роль, студент может получить ценный опыт управления и работы в команде.

Признают ли студенты влияние личностных нравственных качеств на эффективность работы старосты? Для ответа на этот вопрос было проведено эмпирическое исследование среди студентов. Был применен метод анкетирования студентов Сибирского государственного университета науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, а именно студентов института менеджмента и международного бизнеса (группы БУК22-01 и БТН22-01) и института социального инжиниринга (группы БПТ23-01 и БПТ23-02). Для большего охвата было принято решение провести анкетирование еще и среди студентов других университетов России: Южно-Уральского государственного университета (2 группы специальности «Таможенное дело») и Уральского федерального университета (группа специальности «Приборостроение»). Всего в опросе приняли участие 66 человек. Средний возраст респондентов 18–19 лет.

Ответы респондентов относились к разным старостам, то есть в целом характеризовали обобщенное представление студентов о деятельности старосты университетской группы. До проведения опроса студентам было объявлено, что исследование выполняется для исследовательской работы, а не для контроля качества работы старосты, поэтому анкетирование было анонимным. Анкета включала различные вопросы о старосте, как о его функциях, так и желательных личностных качествах человека, находящегося на этой должности.

Первый вопрос – *Нужен ли староста студенческой группе?* – позволил определить значение, которое студенты придают самой должности. 89,39 % опрошенных выбрали ответ, что староста обязательно нужен студенческой группе. 88,89 % опрошенных убеждены, что староста действительно является важным звеном в группе. Ответ на третий вопрос позволил прояснить, почему значение старосты в группе оценивается так высоко: 72,58 % опрошенных студентов считают старосту группы своей опорой и поддержкой.

Кроме того, в соответствии с целью исследования нужно было выявить, какие качества старосты наиболее важные и желаемые. Наибольший процент студентов выбрали такие варианты ответов, как: дружелюбность (88,71 %), ответственность (88,71 %), готовность помочь (87,1 %). Наименьший процент у варианта ответа «принципиальность» (19,35 %). Эти качества должны проявляться в процессе выполнения наиболее значимых, по мнению студентов, функций: быть посредником между деканатом и группой (91,8 %), всегда знать всю полезную информацию (77,05 %), вести учет посещаемости занятий (72,13 %).

Для успешной работы в качестве старосты группы студенту необходимо обладать различными качествами. Он должен быть организованным, ответственным, коммуникабельным, уметь решать проблемы и конфликты, быть лидером, иметь хорошую команду студентов. Также важно иметь хорошие навыки планирования, умение договариваться с различными людьми и быть готовым к работе в коллективе. Староста студенческой группы может представлять собой новый тип лидера [1], опирающегося на моральный авторитет.

Библиографический список

1. Викторук Е.Н., Минеев В.В., Артемьева С.И. Моральное лидерство как инструмент управления социальными конфликтами среди молодежи // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2019. Т. 8, № 3. С. 11–18. URL: https://doi.org/10.12737/article_5d8875a0775374.69271516
2. Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь-юй». М.: Восточная литература, 1998. 588 с.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

THE ROLE OF CULTURE IN TEACHING ENGLISH

К.Ю. Мутовина

K.Y. Mutovina

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific advisor S.P. Shtumpf

Язык и культура, преподавание английского языка, культурные нормы языка, культурно обусловленные модели вербальной и невербальной коммуникации.

В статье раскрыты роль и функции культурной составляющей при обучении английскому языку как иностранному. Представлены теории отечественных и зарубежных авторов по данной теме. Описано влияние культуры на мировоззрение обучающихся иностранному языку.

Language and culture, teaching English, cultural norms of language, culture-bound models of verbal and non-verbal communication.

The article reveals the role and functions of the cultural component in teaching English as a foreign language. The theories of domestic and foreign authors on this topic are presented. The influence of culture on the worldview of foreign language students is described.

Изучение языка должно неразрывно идти с погружением в культуру и традиции страны изучаемого языка. Преодоление языкового барьера и успешная коммуникация требуют не только знания грамматических правил и словарного запаса, но и глубокого понимания исторических, литературных и политических контекстов страны. Важно также осознавать мировоззрение и менталитет носителей изучаемого языка, поскольку понимание этих аспектов играет ключевую роль в успешной коммуникации.

Грамотное использование слов и выражений подразумевает знание их происхождения и контекстов, в которых они применяются. Лингвострановедческий материал – это серьезный стимул для поддержания интереса к изучению иностранного языка. Изучая язык, мы больше узнаем о различных взглядах на жизнь, нормах поведения, правилах этикета, принятых в стране изучаемого языка, особенностях юмора, выражении чувств и эмоций и о многом другом. Например, о том, как вести себя во время деловых переговоров, в ресторане, театре, при знакомстве и т.д. Изучение языка в контексте его культуры и традиций играет ключевую роль в формировании глубокого понимания языка.

Назовем основные функции культурной составляющей в изучении иностранного языка.

1. Культурная контекстуализация слов и выражений: многие слова и выражения могут иметь различные значения в разных культурных контекстах. Понимание культурных особенностей помогает избегать недоразумений и ошибок в использовании языка.

2. Взаимосвязь языка и общества: язык отражает общество, его ценности и нормы. Изучение культуры помогает понять, почему люди используют определенные выражения или почему существуют определенные языковые нюансы.

3. Исторический контекст: знание истории страны помогает понять, почему язык развивался именно так. Это также помогает в поиске корней различных лингвистических особенностей.

4. Менталитет и мировоззрение: понимание менталитета народа помогает в создании более точного образа мира, в котором функционирует язык. Это важно для правильного интерпретирования высказываний и для того, чтобы сделать свою коммуникацию более естественной и эффективной.

5. Литературное наследие: изучение литературы на языке помогает не только совершенствовать навыки, но и погружаться в глубину культуры, понимать исторические и социальные аспекты.

6. Понимание социокультурных норм: различные культуры могут иметь разные нормы в общении, этикете и поведении. Знание этих норм помогает избегать неловких ситуаций и создает основу для успешной коммуникации.

Таким образом, изучение языка в контексте его культуры и традиций обогащает процесс обучения, делая его более глубоким и осмысленным. Изучая лингвострановедение, мы учимся уважать культуру, традиции и взгляды других народов, что, в свою очередь, положительным образом влияет на отношение к иностранному языку. Кроме того, изучая культуру других стран, лучше и глубже начинаешь понимать культуру своей страны.

Основы культуроведческого течения в методике изучения иностранных языков восходят к лингвистическим и философским концепциям В. Гумбольдта, считавшего, что изучение языка должно быть связано с освоением нового мировоззрения. В дальнейшем попытки в исследовании роли культуры предпринимались представителями различных методических направлений. Ряд ученых, таких как М. Суит, В. Фиетор, О. Усперсен, предполагали, что «каждый язык отражает разное мировоззрение и у каждого народа есть своя система понятий, поэтому необходимо включать в учебный процесс тексты из жизни народа и страны изучаемого языка» [1]. В трудах методистов-исследователей Э. Отто, Э. Симоно, Ш. Швейцера главной идеей является взаимное обучение иностранным языкам и культуре. Ими предложена схема изучения языка в системе, которая содержит исторические события, географические сведения, обычаи и нравы носителей языка. Как видим, в зарубежной методике изучения иностранного языка основополагающим является акцент, направленный на интерес к культуре.

Интенсивное развитие культуроведческих традиций в изучении иностранных языков отмечается во второй половине XX в. Говоря о проблемах интеграции языка и культуры при обучении иностранному языку, необходимо отметить, что в отечественной методике преподавания имеются свои исторические корни. Отечественные методисты-исследователи Э.А. Фехнер, К.А. Ганшина, Е.И. Тихеева считали, что изучение иностранного языка должно происходить совместно

с ознакомлением с культурой страны изучаемого языка. Серьезной попыткой совместного изучения языка и культуры стало предложение лингвострановедческого подхода В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина [2], включавшего в себя необходимость рассматривать лингвострановедение в качестве дополнительного аспекта наряду с фонетикой, лексикой и грамматикой при изучении иностранного языка. Основным источником лингвострановедческой информации является лексический состав слова: эквивалентные и безэквивалентные лексические понятия, фоновая лексика, терминологическая лексика, фразеологизмы. С начала 90-х г. XX в. наблюдаются существенные изменения, связанные с разработкой методов изучения иностранного языка в рамках социокультурного подхода. Наиболее известные из них: лингвострановедческий – Е.М. Верещагин; лингвокультурологический – В.В. Воробьев, В.П. Фурманова; социокультурный – В.В. Сафонова [3].

Соизучение языка и культуры остается в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Это свидетельствует о том, что происходит утверждение лингвокультурологической традиции в теории и практике обучения иностранным языкам, ориентированной на взаимосвязанное изучение иностранного языка и соответствующей культуры, что позволяет строить современные модели языкового образования. Поэтому важнейшей задачей учителя становится знакомство обучаемых с культурными особенностями страны изучаемого языка, что дает возможность глубже понять и осознать культурные особенности для обучаемого. Для достижения этой цели необходимо применять разного рода учебный материал, например аутентичные тексты, в которых отражаются образ жизни и поведения носителей языка, нравы, традиции, обычаи, специфика мышления.

В свете преподавания английского языка (как языка международного или универсального) вопрос о культуре приобретает особое значение, поскольку речь идет не об одном национальном стандарте английского языка. Английский язык не может изучаться в отрыве от мира и культуры народов, говорящих на этом языке, рассматриваемый в учебном процессе материал должен включать лексику с национально-культурной семантикой – реалии, которые присущи только данному народу.

Библиографический список

1. Костикова Л.П. Формирование лингвосоциокультурной компетентности студентов гуманитарного вуза. 2011. 320 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз, 1990. 246 с.
3. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и проблема интеграции в европейскую культуру. 2013. 164 с.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР И КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПАНСИЯ: ГРАДУС ДАВЛЕНИЯ

MUSICAL THEATER AND CULTURAL EXPANSION: DEGREE OF PRESSURE

С.С. Самсонов

S.S. Samsonov

Научный руководитель С.П. Штумпф

Scientific advisor S.P. Stumpf

Музыкальный театр, культурная экспансия, сотрудники музыкального театра, западная культура, интервью.

В статье представлено социологическое исследование, проведенное среди сотрудников музыкального театра разных кадровых подразделений, выявлено их отношение к культурной экспансии на базе театра. Рассматриваются явление «культурная экспансия» и его значение для отечественной культуры.

Musical theater, cultural expansion, musical theater staff, western culture, interview.

The article presents a sociological study conducted among the employees of the musical theater of different personnel departments, their attitude to cultural expansion on the basis of the theater is revealed. The phenomenon of "cultural expansion" and its significance for the national culture are considered.

Музыкальный театр – это особая форма искусства, которая сочетает в себе элементы музыки, театра и визуальных видов искусств. В музыкальном театре происходит симбиоз голоса, музыки, актерской игры и хореографии, что позволяет создавать уникальные постановки, органично соединяющие различные жанры и стили [1]. Современный музыкальный театр из-за обилия жанров вправе считаться одним из самых востребуемых в мире. Смесь классической и сугубо элитарной оперетты, массового мюзикла и обособленной рок-оперы – все это делает его притягательным, и каждый зритель сможет найти что-то свое, любимый жанр или даже постановку, произведение в новом прочтении. Конечно, не всякий театр или постановка может удовлетворить зрителя. Возможно, к этому приводит чрезмерное заимствование культурного опыта других стран [2].

В определении этого сложного явления мы опираемся на понятие, приведенное ниже: «Культурная экспансия – это процесс распространения и влияния культуры одной страны или группы людей на другие страны или группы людей» [3]. Она использует различные методы и инструменты передачи, имеет положительные и отрицательные аспекты, активна в современном мире, чем вызывает критику и противодействие. Указанное определение наиболее полно отражает основные черты и функции культурной экспансии, поэтому именно его мы предлагали нашим интервьюируемым [4].

В исследовании мы опирались на интервью с сотрудниками разных отделов музыкального театра. Ведь именно в нем мы можем услышать рассуждения о культурной экспансии и влиянии западной культуры на деятельность театра. Опрошены и интервьюируемы были тридцать сотрудников: руководитель театра, пятеро художественных руководителей, члены администрации (6), солисты (6), артисты хора (3), балета (4), пятеро работников вспомогательных цехов. Если говорить об ответах сотрудников театра, то место взросления и рождения, так же как и половозрастные признаки, достаточно слабо влияет на мнение, которое высказывают интервьюируемые. Хотя и здесь можно увидеть разницу. Например, рожденные в малых городах и сельской местности гораздо меньше замечают культурное влияние извне, считая, что культурная экспансия на базе театра проходит незначительными темпами и не влияет на их работу. Рожденные в крупных городах, наоборот, ее видят более выпукло и по-другому оценивают присущий ей характер давления.

В возрастном признаке достаточно понятная ситуация: представители старшего поколения меньше замечают влияние культурной экспансии, хотя западное влияние на постановках присутствует. Молодые люди гораздо сильнее ощущают влияние культурной экспансии, и западной культуры в частности, в постановках. Но что объединяет половозрастные и территориальные группы, так это то, что почти все отмечают наше единство скорее с европейской культурой и считают, что русскую культуру достаточно сложно отделить от общеевропейской.

Весьма интересно идет оценивание культурного влияния, связанного не столько с личной жизнью людей, сколько с работой. Представители разных подразделений высказывают весьма отличные мнения. Анализируя их, мы пришли к определенным выводам, которые приводим ниже. Административное и художественное руководство театра в большинстве своем считает, что культурное влияние есть, но находится на дозированном, среднем уровне, представляя собой обмен опытом между различными странами и группами постановщиков. Есть и те, кто убежден, что все современные западные тенденции представляют собой забытые нами учения Станиславского и других талантливейших деятелей русского театра. Административные служащие разделяются в своем мнении на тех, кто видит сильное влияние культурной экспансии, и тех, кто видит лишь малое влияние. Это можно связать с территориальным аспектом, здесь он виден острее всего. Солисты в большинстве своем четко отстаивают родную культуру и подмечают, что если что-то и берется из западной культуры, то только самое лучшее. Именно они рассказали нам об опыте работы с разными режиссерами и продемонстрировали, как важно видение мастера в вопросе не только использования западных технологий и инноваций, но и подхода даже к переработке зарубежного материала. Хористы в основном видят культурную экспансию, есть те, кто считают, что они находятся на низком уровне, и те, кто замечает ее на очень высоком уровне. С артистами балета ситуация складывается еще интереснее из-за специфики их деятельности. Культурная экспансия

для них находится на среднем или достаточно высоком уровне, но видят они это по-другому. Из-за того что большинство современной хореографии создано за рубежом, на их деятельность оказывается высокое влияние, однако из-за неимения лучшего они довольствуются тем что есть. Сотрудники вспомогательных цехов оценивают уровень экспансии как высокий по той же причине, что и артисты балета. В их работе применяется множество современных западных технологий, техническое оснащение спектаклей.

Если делать общие выводы по проведенному исследованию, то надо отметить высокую любовь сотрудников музыкального театра к отечественной и мировой культуре, четкое различие ими положительных и отрицательных тенденций российского и западного происхождения. Уровень культурной экспансии оценивается работниками как средний или скорее высокий. Театр выступает не столько площадкой для пропаганды западных ценностей, сколько фильтром для отсеивания неуместных для отечественного зрителя и его менталитета практик и проводником истинно лучшего, существующего в западной культуре. При этом многие отмечают положительные тенденции, связанные с программой «Пушкинская карта» и распоряжениями правительства страны. Это помогает привлекать молодежь к истокам и продвигать русскую культуру элитарного и массового характера: возвращается оперетта, ставится большое количество спектаклей на отечественные сюжеты с высоким уровнем постановочной и зрелищной части.

Библиографический список

1. Что такое музыкальный театр [Электронный ресурс]. URL: <https://remo-wax.ru/polezno/cto-takoe-muzykalnyi-teatr/> (дата обращения: 18.11.2023).
2. Крылова А.В. Современный музыкальный театр в многообразии жанровых решений [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-muzykalnyy-teatr-v-mnogoobrazii-zhanrovyyh-resheniy> (дата обращения: 15.11.2023).
3. Культурная экспансия: расширение культурного влияния и его влияние на мировую сцену [Электронный ресурс]. URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/kulturnaya-ekspansiya/> (дата обращения: 05.11.2023).
4. Вислова А.В. Культурные индустрии и театр // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/115.html&j_id=9 (дата обращения: 11.11.2023).

СПОРТИВНАЯ ЭТИКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

SPORTS ETHICS IN THE EDUCATIONAL SPACE

Е.С. Осташкина, Д.В. Маячка

E.S. Ostashkina, D.V. Mayachka

Этика, этикет, спорт, правила.

В статье мы раскрывается сущность понятия «спортивная этика», обозначаются ее принципы. Рассмотрена спортивная этика в рамках образовательного пространства.

Ethics, etiquette, sports, rules.

In this article we will reveal the essence of the concept of “sports ethics”, identify its principles and consider sports ethics within the educational space.

Этика – учение о морали, нравственности. Термин «этика» впервые употребил Аристотель для обозначения практической философии, которая должна дать ответ на вопрос «Что мы должны делать, чтобы совершать правильные, нравственные поступки?».

В широком смысле к практической философии относят тексты и речи разных авторов, содержащие философскую аргументацию, мысли о жизни, человеке, его отношении к миру, обращенные ко всем людям и имеющие практический смысл, побуждающий к действию или отвращающий от него. Конечно же, у каждого человека есть собственная концепция взглядов на жизнь, благодаря этому и создается уникальная философия личности или популярные учения, которые находят отклик в сердцах слушателей, с помощью подобной тенденции и создается течение спортивной философии.

В качестве примеров к этому можно привести слова одних из самых известных мыслителей в истории.

1. Гиппократ: «Гимнастика, физические упражнения, ходьба должны прочно войти в повседневный быт каждого, кто хочет сохранить работоспособность, здоровье, полноценную и радостную жизнь».

2. Плиний младший: «Изобразить нельзя, как одушевляют действия ума телодвижения».

3. Рене Декарт: «Наблюдайте за вашим телом, если вы хотите, чтобы ваш ум работал правильно».

Многие транслировали подходившую под формулировку идеологию Децима Юния Ювенала: «В здоровом теле здоровый дух», то есть подход к моральной целостности через укрепление телесного здоровья, а это не что иное, как философия спорта (философская дисциплина, изучающая спорт как социальное и культурное явление в его взаимосвязях с вопросами этики, морали, философии права и иными вопросами общего порядка).

Одна из главных задач философии спорта – разобраться в целях и значениях, которые преследуются в спорте. Она изучает, что делает спорт таким ценным и необходимым для общества и индивида, какие этические вопросы возникают при взаимодействии в спортивной среде.

Спортивный этикет – набор принципов и ценностей, которые регулируют поведение спортсменов, тренеров, болельщиков и других участников спортивного мира. Он определяет, что считается «правильным» и «неправильным» в спорте. Таким образом, спортивная этика уже может называться прикладной.

Спортивная этика включает в себя такие принципы, как:

- 1) спортивная честность (соблюдение регламентированных правил и норм);
- 2) спортивная справедливость (предоставление равных возможностей всем участникам, отсутствие дискриминации и привилегий);
- 3) уважение (уважение прав и достоинств других людей, отсутствие насилия и неэтичного поведения);
- 4) ответственность (осознанность своих действий, а также принятие этой ответственности за свои ошибки);
- 5) управление конфликтами (разрешение разногласий и конфликтов с помощью диалога и свода правил/регламентов вместо насилия);
- 6) поддержка командного подхода (работа в команде, поддержка и уважение партнеров, сотрудничество, взаимопомощь).

Образовательное пространство – это среда, в которой происходит процесс обучения и образования. Оно представляет собой совокупность всех физических, социальных, культурных, технологических и психологических аспектов, которые влияют на образовательный процесс и определяют его организацию и результаты.

Образовательное пространство включает в себя различные учебные заведения, такие как школы, колледжи, университеты, а также различные места и ситуации, которые способствуют обучению. Кроме того, в образовательное пространство входят образовательные программы, учебники, учебные материалы, методы и подходы к обучению, а также социальные взаимодействия и коммуникации между участниками образовательного процесса.

Целью образовательного пространства является создание условий для успешного обучения, развития личности и приобретения знаний, умений и навыков. Оно также способствует развитию творческого мышления, самостоятельности и критического мышления у учащихся. Образовательное пространство может быть организовано формально (в рамках школьной или университетской программы) или неформально (вне школьной программы, например в кругу интересов или внеклассной деятельности).

Спортивная этика в образовательном пространстве относится к набору принципов и ценностей, которые связаны со спортом и применяются в образовательной среде. Она обеспечивает этическую основу для спортивной программы и учебного процесса, а также формирует перспективу, в рамках которой участники могут развиваться и как спортсмены, и как личности.

Спортивная этика в образовательном пространстве способствует формированию этического поведения, развитию лидерства и ведению здорового образа жизни. Она также прививает важные навыки и ценности, которые могут быть применены в повседневной жизни и в карьере.

Библиографический список

1. Основы спортивной этики: учеб. пособие / В.В. Ягодин; науч. ред. З.В. Сенук; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 112 с.
2. Спортивная этика. Понятие и основные принципы [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/449506/sportivnaya-etika-ponyatie-i-osnovnyie-printsipyi> (дата обращения: 20.11.2023).

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

CIVILIZATIONAL VIRTUES OF A CHANGING WORLD

Н.В. Холонина

N.V. Kholonina

Добродетель, цивилизация, глобальная этика, экзистенциальные риски.

В статье анализируется понятие цивилизационных добродетелей в философии Т. Орда, а также рассматривается их связь с глобальной этикой.

Virtue, civilization, global ethics, existential risks.

The article analyzes the concept of civilizational virtues in T. Ord's philosophy, and also examines their connection with global ethics.

На протяжении всей истории человечества люди нуждались в ценностных установках и в определении смыслов человеческого бытия. Каждая культура закрепила за собой определенные традиции и нравственные идеалы. Для современного человека проблема определения моральных ориентиров своего существования становится ключевой, ведь будущее человечества напрямую зависит от того, как будет преодолен антропологический кризис. В данной статье мы рассмотрим, какие ценности могут выступать новыми установками для людей и почему австралийский философ Т. Орд называет их цивилизационными добродетелями.

Для начала обратимся к понятию добродетели, которое на протяжении многих веков развития философии было доминирующим в этических учениях. Добродетель – фундаментальное моральное понятие, характеризующее готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру; совокупность внутренних, душевных и интеллектуальных качеств, воплощающих человеческий идеал в его моральном совершенстве [5, с. 677]. Особое внимание термину уделялось в системах Аристотеля и И. Канта. В философии Аристотеля добродетель является сознательно избираемым складом души, который присущ всем рассудительным людям. У И. Канта добродетель перестает быть привычкой, навыком и отождествляется с моральной твердостью человека, выполняющего моральный долг. Понятие цивилизационной добродетели, как мы увидим далее, по смыслу ближе к толкованию немецкого философа, в котором добродетель является всеобщей обязанностью (по отношению к себе и к обществу).

Далее рассмотрим понятие цивилизации как определенной стадии всемирно-исторического процесса и ценностей гражданского общества, основанного на началах разума, справедливости и законности. В первобытных обществах человек является малой частью природы, а основными ценностями выступает стремление к гармонии с внешней средой, деятельность без нарушения

естественной среды, авторитет предков. По мере развития цивилизации одни ценности приходят на смену другим. В эпоху традиционного общества на первый план выходит независимость от природы, инноваторство, ценность активной автономной личности, антропоцентризм, гуманизм. Но наряду с научными достижениями и экономическим ростом традиционный тип цивилизации породил глобальный кризис (экологический, антропологический), который поставил под вопрос дальнейшее существование человека. На смену традиционному типу пришел новый тип цивилизации – инновационный. Идеалы Равновесия и Гармонии были заменены идеалами Прогресса, движения к лучшему будущему [2, с. 120]. Инновационный тип цивилизации провозглашает наивысшими ценностями нововведения, уникальность, творческий импульс, динамику событий, свободу. Для выхода из существующего кризиса необходимы новые ценностные ориентиры в отношении природы и человека, рассматривающие биосферу как целостный живой организм.

В своей книге «На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества» австралийский философ Тоби Орд описывает варианты экзистенциальных угроз, а первым шагом на пути спасения человеческого вида называет следование цивилизационным добродетелям. Рассматривая человечество как единую группу, состоящую из всех людей, живших во все времена, мы получаем представление о том, в чем обычно заключаются достоинства и недостатки способности человечества достигать процветания. Это добродетели и грехи в самом крупном масштабе – их можно назвать цивилизационными добродетелями и грехами [6, с. 67]. Важнейшей нравственной задачей человечества декларируется недопущение экзистенциальной катастрофы. Мы не проявляем должного внимания к рискам для всего нашего будущего, поскольку нам недостает благоразумия. Ставя интересы ныне живущего поколения выше интересов всех будущих поколений, мы демонстрируем недостаток терпения. Признавая важность своего будущего, но тем не менее не ставя его в приоритет, мы показываем недостаток самодисциплины. Когда, отступив назад, мы перестаем стремиться к будущему – или решаем, что ничего хорошего в нем не будет, – мы демонстрируем недостаток надежды и упорства, а также неумение брать на себя ответственность за собственные действия [6, с. 68]. Таким образом, основными добродетелями современного человека объявляются благоразумие, толерантность, самодисциплина, упорство, ответственность, взаимопонимание, доверие, солидарность и надежда на будущее.

Стоит отметить, что понятие цивилизационных добродетелей можно обнаружить также в проекте глобальной этики, которая определяется как новое гуманистическое мировоззрение, построенное на диалоге между цивилизациями. В основе новой парадигмы находится мировой этос. Мировой этос – минимальный базовый консенсус относительно общих ценностей, неизменных стандартов и фундаментальных моральных позиций [3]. Новая всепланетарная парадигма этики провозглашает ответственность ныне живущих поколений перед

будущими. Основными принципами и ценностями глобальной этики являются: культура ненасилия и уважения к жизни; культура солидарности и справедливого экономического порядка; культура толерантности и жизни в истине, культура равноправия и партнерства между мужчиной и женщиной. Необходимо подчеркнуть, что в прошлом и настоящем мыслители пытаются найти оптимальный путь, развития человечества, путь по которому от безумия и насилия мы придем к миру доверия и взаимопонимания.

Таким образом, современный человек находится в центре ценностного кризиса, который влияет на целеполагание будущих поколений. Социально значимые ценности не могут быть только прагматическими, без абсолютных ценностей общество теряет способность к развитию. Человечеству необходимо больше внимания уделять аксиологическим и этическим аспектам, ведь сохранение и дальнейшее развитие всего общества зависят от системы духовных ценностей.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / аер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология история: монография. Астрахань, 2004. 275 с.
3. Декларация мирового этоса [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/documents/weltethos.html> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. I. 544 с.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; научно-ред. совет. М.: Мысль, 2010. Т. I. 744 с.
6. Орд Т. На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества / пер. с англ. Е. Фоменко. М.: АСТ: CORPUS, 2023.

**Заключительный раздел.
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ:
ПОИСК НОВЫХ СМЫСЛОВ**

ИДЕИ ФИЛОСОФИИ СТОИЦИЗМА В ЛОГОТЕРАПИИ В. ФРАНКЛА

IDEAS OF STOIC PHILOSOPHY IN V. FRANKL'S LOGOTHERAPY

Д.Д. Чупин

D.D. Chupin

Научный руководитель **Е.Н. Викторук**
Scientific adviser **E.N. Viktoruk**

Стоицизм, счастье, смысл жизни, логотерапия, свобода.

В статье представлено сравнение взглядов Луция Аннея Сенеки как яркого представителя философии стоицизма и Виктора Франкла на проблемы счастья, свободы и смысла человеческой жизни, показаны различия и важные сходства позиций философов.

Stoicism, happiness, meaning of life, logotherapy, freedom.

The article presents a comparison of the views of Lucius Annaeus Seneca as a prominent representative of the philosophy of Stoicism and Viktor Frankl on the problems of happiness, freedom and the meaning of human life, showing the differences and important similarities of the positions of philosophers.

Стремление к счастью – неотъемлемая составляющая жизнедеятельности человека, а потому счастливая жизнь, равно как и само понятие счастья, являются постоянными предметами философских исследований начиная с глубокой древности и по сей день. Говоря о древности, нельзя не упомянуть философов Античности, оставивших по себе колоссальное культурное наследие, выраженное в многочисленных трудах, посвященных разнообразнейшим проблемам человека и окружающей его действительности, к которым мы продолжаем обращаться и в наши дни. Одними из наиболее примечательных и, пожалуй, известных мыслителей названного периода являются представители философской школы стоицизма: Луций Анней Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет, в работах которых особое внимание уделяется в том числе и проблеме счастья в жизни человека.

Так, в трактате «О блаженной жизни» Сенека берет за основу путь к счастливой или, собственно, блаженной жизни, а также те задачи, которые необходимо решить для достижения оной. По мнению философа, первооснова счастливой жизни есть согласие с природой как мудрой наставницей, а также вытекающая из такого согласия неременная устремленность к добродетели, которая заключается во внутренней гармонии, стойком, непоколебимом, свободном духе и в то же время кротости и смирении [1, с. 11]. Но что мешает достичь такого состояния? В ответ на этот вопрос Сенека развивает одну из важнейших мыс-

лей анализируемой работы, посвященную взаимоотношениям добродетели и наслаждения, которое преимущественно понимается как удовольствие, имеющее своим источником самые разные предметы: от материальных благ как таковых до ужаснейших пороков, связанных с различными сторонами человеческой жизни.

Рассуждая об этой проблеме, философ пишет: «В тот самый день, когда тело уступит наслаждению, оно окажется во власти боли; ты видишь, сколь тягостное и злое рабство ожидает того, над кем по очереди станут властвовать наслаждение и боль – самые капризные и своевольные господа?» [1, с. 14]. И далее: «Что же касается наслаждения, то пусть оно затопит нас с головы до ног, пусть льется на нас отовсюду, расслабляя душу негой и ежечасно представляя новые соблазны, возбуждающие нас целиком и каждую часть тела в отдельности, но кто из смертных, сохранивших хоть след человеческого облика, захочет, чтобы его день и ночь напролет щекотали и возбуждали? Кто захочет совсем отказаться от духа, отдавшись телу?» [1, с. 15]. Таким образом, по мнению Сенеки, отдаться удовольствиям означает потерять свободу, а с ней и путь к счастью.

Какое же место должно занимать удовольствие в жизни человека? Автор отвечает: «Наслаждение должно быть не руководителем доброй воли, указывающим ей верное направление, а ее спутником» [1, с. 18]. Подробнее эта мысль раскрывается в следующих утверждениях: «Если добродетель и приносит наслаждение, достичь ее стремятся не ради этого. Неверно было бы сказать, что она приносит наслаждение; вернее, приносит в том числе и его; не ради него она обрекает себя на труды и страдания, но в результате ее трудов, хотя и преследующих иную цель, получается между прочим и оно» [1, с. 20]. А также: «Наслаждение – не причина и не награда добродетели, а нечто ей сопутствующее» [1, с. 20]. Иными словами, истинной целью человека должна выступать добродетель, тогда как удовольствие может лишь сопровождать ежедневный труд, не отнимая при этом и не прибавляя ничего к существу жизни, если только человек не хочет лишиться настоящей свободы.

Однако на этом Сенека не останавливается и начинает последовательно отстаивать мысль, согласно которой наслаждения и добродетель принципиально несовместимы, поскольку выступают явлениями разного порядка, а любая попытка сближения удовольствия как телесного и добродетели как духовного всегда идет во вред последней и обречена на провал: «Пора перестать совмещать несовместное, объединяя добродетель с наслаждением: дело это скверное, и ничего, кроме лести последним негодьям, из него не получится» [1, с. 25].

Именно здесь, как и в некоторых других деталях, философ расходится во взглядах с другим не менее известным знатоком человеческой природы, который удивительным образом спустя почти две тысячи лет смог на практике воплотить то, о чем писал Сенека, и, более того, помочь через это множеству людей. Речь идет о психиатре, неврологе и создателе логотерапии – Викторе Эмиле Франкле, который жил и работал в XX в. [2, с. 7].

Главным образом Франкл известен как исследователь вопроса о смысле жизни, который при этом в его работах теснейшим образом связан с проблемой места удовольствия в жизни человека. Кроме того, разрешение названной проблемы лежит в основе его авторского терапевтического подхода, который впоследствии и стал известен как логотерапия или «исцеление смыслом».

Коротко охарактеризовать взгляд Виктора Франкла на проблемы счастья, смысла и удовольствия можно следующим образом. По мнению автора, важнейшим устремлением человека является всегда индивидуальный, но при этом объективно существующий, конкретный и находимый в процессе жизнедеятельности смысл жизни [2, с. 26]. Таковым может выступать и творчество, и любимый человек, и переживания прекрасного, и стойкость перед лицом невзгод как самоценное качество. Именно нахождение такого смысла способно сделать человека счастливым. Однако принципиальным здесь является направление устремлений: их предметом, пишет Франкл, не должно становиться счастье как таковое или, что в данном случае очень близко, удовольствие. Чем сильнее человек стремится к удовольствию или счастью, тем более они удаляются от него и тем несчастнее (или невротичнее) становится человек. Автор утверждает, что критичным для нас как существ самотрансцендентных – непременно устремленных вовне и только там находящих ценности и смыслы – является фокус внимания: не к счастью или удовольствию должен стремиться человек, но к самоотдаче в труде, любви или дружбе [2, с. 29]. И только тогда удовольствие, счастье как исключительно побочные продукты достижения смысла, реализации индивидуально значимых ценностей перестанут ускользать от человека и смогут по-настоящему наполнить его жизнь.

Конечно, в отличие от философов древности, Франкл, будучи практикующим психотерапевтом, не стремится предложить единого направления устремлений, что можно увидеть и у Сенеки с его природой-наставницей, а также вполне конкретными добродетелями, и у других мыслителей самых разных эпох. Не пытается он и совершенно исключить удовольствие из жизни человека, тогда как Сенека приходит к строгому разделению наслаждений и добродетели, аналогом чего у Франкла можно назвать понятие смысла. Вместе с тем, нельзя не заметить очевидного сходства позиций двух философов по отношению к счастью, свободе и тому, какое место в жизни человека может и должно занимать удовольствие. В этом смысле не будет преувеличением назвать взгляды Сенеки и Франкла своеобразным рецептом достижения свободной и счастливой жизни, который, возможно, в отличие многих других прошел проверку временем.

Библиографический список

1. Сенека М.А. Эпиктет О стойкости мудреца / пер. с лат. Т. Бородай, С. Роговина, В. Чертова; комм. Т. Бородай; РИПОЛ классик. М., 2017. 432 с.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / пер. с англ. и нем., общ. ред. Л.Я. Гозман, Д.А. Леонтьев; вст. ст. Д.А. Леонтьев. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ АКЕДИИ

THE EXISTENTIAL MEANING OF AKEDIA

Н.И. Лобанова

N.I. Lobanova

Акедия, экзистенциальное измерение, жизнь, решение, одиночество.

В статье представлен краткий обзор взглядов Ролана Барта на феномен акедии, выявлена новизна его позиции по сравнению с традиционными подходами (богословским и психологическим). Проанализированы корни этого явления.

Acedia, existential dimension, life, decision, loneliness.

The article presents a brief overview of Roland Barthes' views on the phenomenon of acedia, revealing the novelty of his position in comparison with traditional approaches (theological and psychological). The roots of this phenomenon are analyzed.

Феномен акедии достаточно хорошо известен богословам и психологам (последние постоянно сталкиваются с ним в контексте исследований причин меланхолии и депрессии). Почтили его своим вниманием и писатели (Олдос Хаксли посвятил этому отдельную статью [3]). Но Ролан Барт, пожалуй, был первым (и единственным), кто вскрыл экзистенциальную природу этого явления.

Подробное изложение своих взглядов он дает в курсе лекций, прочитанных им в Коллеж де Франс («Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности»). Этот выдающийся мыслитель, известный своими работами по семиологии, при анализе феномена акедии не ограничивается лингвосомиотическими заметками: то, что он говорит, выходит далеко за пределы абстрактной науки и прямо соотносится с той жизнью, которую проживает каждый – с тем, что Сартр называл «экзистенцией».

Для более полного прояснения его позиции позволим себе привести цитату полностью:

«Акедия – чувство, состояние монаха, разочаровавшегося в своей аскезе, – ему больше не удастся вкладываться в нее. Это не потеря веры, это потеря инвестиции. Состояние депрессии: душевная смута, усталость, грусть, тоска, упадок духа. Жизнь кажется однообразной, бесцельной, мучительной и бесполезной: помрачается сам аскетический идеал, лишенный притягательной силы.

Акедия не связана исключительно с монашеским положением. Мы не монахи, и все же акедия интересуется нас.

Предметом акедии выступает не верование, не идея, не утверждение веры (акедия – это не “сомнение”), но утрата инвестиции в некоторый способ жизни. Акедия: это некий повторяющийся, длительный и настоятельный момент, когда мы понимаем, что с нас хватит – с нас довольно нашего способа жизни, нашего отношения к миру. Я могу проснуться утром и увидеть, как передо мной про-

кручивается программа моей недели – в отсутствие всякой надежды. Все повторяется, все возвращается: те же задачи, те же встречи, и при этом никакой инвестированности, даже если каждый пункт этой программы вполне выносим, а порой даже приятен.

Любовный опыт акедии не равен безнадежной любви (не быть любимым, быть оставленным, порвать и т.д.) – это не акедия. С точки зрения топики акедия – это именно невозможность вкладываться. Акедия – это скорбь по самой инвестиции, а не по ее предмету. Акедия (современные формы): когда невозможно более вкладываться в других, в Жизнь-совместно-с-другими, не вкладываясь одновременно в одиночество» [1, с. 70–73].

Ролан Барт прекрасно описал проявления акедии на экзистенциальном уровне (которые меняют саму сердцевину существования человека, его способ бытия самим собой – то, что он привык считать своей сутью), но каковы корни этого явления? Коренятся ли причины этого феномена в самом индивиде или это может быть связано с какой-то коренной трансформацией внешней ситуации?

На этот вопрос возможны разные варианты ответов. Если бы отвечал Сартр, то он бы, наверное, сказал, что состояние акедии – результат действий/поступков самого человека (суммарный итог его неправильных выборов или вовремя не принятых решений). Примером этого может быть Печорин. Накануне дуэли с Грушницким он записывает у себя в дневнике: «Пробегаю в памяти все мое прошлое и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собой роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся – мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние! И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый мальчик, другие – мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!..» [2]. Лермонтов с замечательной точностью описал мысли и чувства человека, подверженного акедии и пришедшего к ней, как сказали бы экзистенциалисты, в результате собственного – не всегда осознанного – выбора (другим подобным примером в литературе может быть главный герой «Степного волка» Германа Гессе).

Если бы на этот вопрос отвечали социальные психологи (вроде Э. Фромма), то они в качестве причины указали бы на радикальное изменение социальной ситуации индивида, утрату значимых связей. Примером этого варианта акедии

может служить сам Ролан Барт. Вскоре после похорон матери он пишет в «Morning diary»: «Желания, которые у меня были до ее смерти (пока она была больна), больше не могут быть исполнены, поскольку это означало бы, что именно ее смерть позволяет мне исполнить их – ее смерть может быть в некотором смысле освобождением по отношению к моим желаниям. Но ее смерть изменила меня, и я больше не желаю того, чего желал раньше».

Приведенные примеры показывают, что акедия не ограничивается какой-то отдельной группой людей (например, монахами, посвятившими себя аскезе): она возникает у совершенно различных людей в абсолютно несхожих обстоятельствах (сравните, например, Печорина перед дуэлью и самого Ролана Барта после потери матери).

В связи с этим возникает вопрос о том, что представляет собой акедия, наблюдающаяся у преподавателей и учителей, и чем она как феномен, свидетельствующий об изменении экзистенциальной ситуации индивида, отличается от традиционной (и достаточно банализированной) проблемы профессионального выгорания педагогов?

Поиск ответов на этот вопрос является предметом дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Барт Р. Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. URL: <https://ilibrary.ru/text/12/p.6/index.html> (дата обращения: 11.12.2023).
3. Huxley A. Accidie. URL: <https://www.anthologicalitt.com/post/aldoushuxley-accidie> (дата обращения: 11.12.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВА Оксана Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой фундаментальных исследований и методологии науки, Красноярский научный центр Сибирского отделения РАН; e-mail: aleksandrova.ov@ksc.krasn.ru

АНЦУПОВА Виктория Владимировна – студентка, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск); e-mail: nmartishina@yandex.ru

БАБАКОВА Наталья Николаевна – преподаватель, Красноярский монтажный колледж; e-mail: nnbabakova@yandex.ru

БАРИНОВА Светлана Геннадьевна – доцент кафедры философии юридического института, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: svetabar2014@mail.ru

БАРМАШОВА Татьяна Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: tatibar910@mail.ru

БЛИНОВА Кристина Алексеевна – студентка, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); email: alchern75@mail.ru

БЫСТРОВА Елена Мирзагитовна – преподаватель, Красноярский монтажный колледж; e-mail: bystrova-em@mail.ru

ВИКТОРУК Елена Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ведущий научный сотрудник лаборатории научно-образовательных технологий подготовки кадров высшей квалификации, Красноярский научный центр Сибирского отделения РАН; e-mail: eviktoruk@yandex.ru

ГОХ Анатолий Федорович – кандидат культурологии, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: an_goh@mail.ru

ДУМОВ Александр Витальевич – магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва); e-mail: avdumov@inbox.ru

КИТАРИОГЛО Александр Георгиевич – кандидат философских наук, старший преподаватель, Красноярский финансово-экономический колледж Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: vvmineev@mail.ru

КОЗЛОВСКАЯ Анастасия Николаевна – аспирант, Красноярский научный центр Сибирского отделения РАН; e-mail: k03anostra@yandex.ru

КОКОРИН Алексей Николаевич – кандидат технических наук, декан факультета подготовки кадров; e-mail: kokorin.an@ksc.krasn.ru

КУБАСОВА Яна Васильевна – старший преподаватель кафедры философии, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: gto11@mail.ru

КУДАШКИН Михаил Витальевич – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: m_kudashkin@inbox.ru

ЛОБАНОВА Нина Исааковна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nanakrasnoyarsk@yandex.ru

ЛОГУНОВА Лариса Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и религиоведения, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: log1444@yandex.ru

ЛЮБИЧЕВА Вероника Дмитриевна – студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nika.liubi4eva@yandex.ru

МАРТИШИНА Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск); e-mail: nmartishina@yandex.ru

МАЯЧКА Даниил Викторович – студент, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации им. А.А. Новикова; e-mail: eso.psk@yandex.ru

МЕШКОВА Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал РГППУ; e-mail: meshkova-ntgspi@mail.ru

МИНЕЕВ Валерий Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; профессор кафедры фундаментальных исследований и методологии науки; Красноярский научный центр Сибирского отделения РАН; e-mail: vvmineev@mail.ru

МУТОВИНА Ксения Юрьевна – студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: keksenia060802@gmail.com

МЫШКОВСКАЯ Александра Ивановна – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: alxndrasharon@gmail.com

ОРЛОВА Ольга Юрьевна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет; e-mail: jivanolga@gmail.com

ОСТАШКИНА Евгения Сергеевна – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации им. А.А. Новикова; e-mail: eso.psk@yandex.ru

ПАНТИН Игорь Владимирович – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: igp1997@mail.ru

РОДИНА Анастасия Евгеньевна – студентка, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск); e-mail: rodinanastya09@gmail.com

САМСОНОВ Семен Сергеевич – студент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: semyon-krsk-24@yandex.ru

САФРОНЕЕВ Антон Дмитриевич – студент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал РГППУ; e-mail: meshkova-ntgspi@mail.ru

ТУПИКОВА Ксения Андреевна – студентка, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал РГППУ; e-mail: meshkova-ntgspi@mail.ru

ХОЛОНИНА Наталья Викторовна – старший преподаватель кафедры философии, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: natalia10-63@mail.ru

ЧЕРЕПАНОВА Елизавета Владиславовна – студентка, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск); e-mail: el.cherepanova2017@yandex.ru

ЧИСТОВ Роман Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: chistovRS@mail.ru

ШАДРИН Вадим Алексеевич – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: 6.vadim_597@mail.ru

ШПАК Виктория Викторовна – студентка, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: v.iokst@bk.ru

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ

Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции

Красноярск, 30 ноября 2023 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасаншина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ
им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.12.23.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 12,6